

Андрей СОКОЛОВ

ПОСОШОК

Киноповесть

Абсолютная тишина. Звука нет. Звездная августовская ночь. Камера сверху, ниоткуда, из бесконечности космоса, от этих самых звезд, очень медленно спускается вниз. Во время этого спуска появляется сначала серебристая лента, на ней — темное пятно со светящейся точкой. В этих первых кадрах присутствует какая-то необычная таинственная тревога, необъяснимая, потусторонняя. Ощущение будет повторяться в сценах смерти, попытки суицида главных героев, и в последних кадрах фильма.

Это плот, плывущий вдоль берега довольно широкой сибирской реки Витим. На нем замерли четверо четырнадцатилетних пацанов. Это Коля Хен, Юра Ронженин, Александр Степанов и Андрей Колесников. Они лучат. Ронженин стоит на коленках на носу плота, в правой поднятой руке у него острога. Степанов, рядом с ним, освещает дно карбидной лампой. Сзади, сбоку, примерно на середине, с шестом в руках, стоит Хен, у руля, на корме, Колесников. Камера дает сначала лишь абрис их фигур, потом уходит вдоль луча на каменистое дно. Наконец в кадре появляется спящий ленок — сибирская рыба. Он небольшой, сантиметров двадцать, и почти сливается с зеленоватыми камнями.

— Видишь? — шипит Степанов. Это первый звук в фильме.

— Спокойно. Тормози, Колян.

Как только ребята заговорили, камера начинает давать крупный план всех четверых, по очереди. Появляются шум бегущей воды, ночного ветра в кронах деревьев. И постепенно уходит тревога, начинается обычная рыбалка, житейская вещь, словом.

Хен шестом резко, но бесшумно, останавливает плот. Юра еще немного целится, потом бьет острогой. Через секунду видно, что он промазал.

— Мудила с Нижнего Тагила. Кто так лучит, кто, — орет Степанов, — дай сюда острогу...

— Я тебе сейчас в лоб дам, а не острогу. Чего орешь? Моя очередь, еще полчаса могу мазать...

— Нет, вы видели — в лоб?! А если не ты, а я в лоб, а? Тогда может, научишься лучить...

Да тихо ты...

Но уже поздно. С берега, который находится метрах в пяти от плота, из тайги, доносится нетрезвый мужской голос: «Эй, на плоту! Пионеры! Давайте-ка живо к берегу».

— Че-ё-рт, — как-то даже восхищенно протянул Колесников, — ведь на 3 километра от лагеря ушли. Откуда он здесь взялся в 3 часа ночи?

— Наместник Бога на земле, Прокопий Гурьевич. Откуда? Он здесь портвейн прячет, ну и выпивает, не отходя от кассы.

— Пионеры? Вы меня слышите, пионеры?

— Пионеры, пионеры... Дети рабочих, едрена мать... Слышим мы вас, Прокопий Гурьевич. Сщас причалим.

Плот мягко утыкается в песчаный берег. Довольно нетрезвый, но еще вполне держащийся на ногах, грузный Прокопий Гурьевич, ему лет под 50, ступает на плот. Он иронизирует над раздосадованными мальчишками: «Надеюсь, подбросите своего руководителя до лагеря, не откажите в такой любезности...»

— Не откажем...

Хен отталкивается шестом от берега, плот отплывает и тут же где-то на полметра погружается в воду. Слышны крики барахтающихся в реке ребят и их руководителя (в миру учителя физики).

Х Х Х

И вновь с неба, спускаясь по солнечным лучам, камера выхватывает широкой панорамой бодайбинский пионерский лагерь «Звездочка». Это большой кусок вырубленной тайги, в остальном он типовой — построенные в ряд бараки, прямые аллеи. Площадь, на ней трибуна, длинный шест, на котором плещется красный флаг. Слева стоит здание штаба, на нем, на красной полоске кумача, белилами выписан лозунг: «Солнце, воздух и вода — наши лучшие друзья».

Девять часов утра. Солнце уже довольно высоко, день прекрасный. Лагерь стоит на утренней поверке. После рапортов председателей отрядов, начальник лагеря говорит:

«Ночью опять у нас было ЧП. Прокопий Гурьевич, вам слово».

— Пионеры! Должен вам доложить, что в ночь с 3 на 4 августа 1966 года четверо ваших товарищей совершили абсолютно недопустимый в пионерском лагере проступок. Итак, пионеры — Хен! Ронженин! Степанов! Колесников! Попрошу выйти из строя.

Прокопий Гурьевич помят, одутловат, рожей красен, и, соответственно, зол. Чтобы представить его, надо вызвать образ актера Владимира Ильина в таком состоянии.

— Пионеры! Попрошу вспомнить, кто неделю назад стащил на кухне 8 банок сгущенки?! А теперь попрошу вспомнить, кто в четверг ночью проник в спальню девочек 1 отряда, а когда их оттуда выперли, то кто, извиняюсь, помочился под окнами этой спальни? И, наконец, кого поймали за футбольным полем в тайге курящими сигареты «Прима»?

— «Аврора»...

— Тем более. И вот теперь четверо этих молодцов устроили — подумать только — ночную рыбалку! Ничего, кстати, не поймали...

— С вами поймаешь...

— Вот! Еще и голос подают! Продолжаю: лучили ночью на Витиме, несмотря на

строжайший запрет подходить к нашей коварной и опасной реке даже днем. Были мною обнаружены и доставлены в лагерь...

— Кто кого...

— Позор!

— Вот именно.

— А ну-ка замолчите, — вмешивается в диалог директор, — лучше скажите, что с вами делать? Короче, это последнее безобразие. Если еще что-нибудь натворите — выгоню. А сейчас объявляю, что через два дня лагерь идет в поход к Медвежьему ручью. Вы — остаетесь. Все, проверка окончена, отряды — шагом марш на завтрак.

Х Х Х

Из динамиков звучит (на весь лагерь) шлягер «Эти глаза напротив» Ободзинского. Отряды строем идут в столовую. Наши герои плетутся позади всех.

После завтрака они моментально оказываются на той самой, заросшей со всех сторон соснами, березами и елками, поляне, где их недавно застукали с куревом. Разлегшись на солнышке, прикуривают сигареты. Это и в самом деле «Аврора», сигареты без фильтра, но не «Прима». Видно, что они сильно обижены.

— Вообще-то есть одна идея, — начинает Андрей.

Говори.

Колесников излагает свой план. Звук появляется, когда Ронженин говорит: «Но для этого надо иметь кумач и краски, эти белила ихние. А где же их возьмешь? Не переться же в город за 12 километров...

— Какой город, здесь все есть.

— Ну, у них много чего есть. Вон, Прокопий где-то даже портвейн «Три семерки» берет, да кто нам-то чего даст?

— Сами возьмем. Я видел, — вступает Хен, — Анна Сергеевна пошла из столовой в свою каморку. У нее там целый склад этого добра. Надо бы как-то объегорить училку...

Дальше опять без звука они продолжают оживленно обсуждать будущую пакость. Наконец встают. Идут по тайге в лагерь. Там расходятся: Ронженин, как самый обаятельный, идет в маленькую мастерскую, где хозяйничает Анна Сергеевна, в миру учительница истории, фанатичная коммунистка. Трое остальных остаются на футбольном поле, куда уже подтягивается играющий в футбол народ.

Ронженин заходит в каморку и приветствует Анну Сергеевну. Та, расстелив на свежеструганной доске кумач, дописывает букву «Т». Получается пока «ИСТ».

— Здравствуй, здравствуй, горе-рыболов, — Анна Сергеевна — типичная девственница лет 55, сухая, загорелая, с суровым лицом изборожденным перпендикулярными морщинами, — ну, и чего тебе надобно, старче?

— Мне? — как-то даже испуганно изумляется Юра, — да ничего мне не надо. Просто зашел поболтать, поговорить. Знаете, Анна Сергеевна, надоело отдыхать. Соскучился по школе, по вашей истории, хоть мы с вами и цапаемся часто...

— Не цапаемся, а спорим, дискутируем, — растроганная Анна Сергеевна только что слезу не смахивает. Между тем, Ронженин почти не врет: лагерь ему действительно осточертел, хочется в город, да и историю он и правда любит, много читает, потому и спорит с Анной Сергеевной, которая толкует все исторические события с большевистской прямоотой.

— Ну, ничего, немного осталось. А что вы пишете? — Юра берет бумажку с текстом и читает вслух, — «Исторические решения съезда КПСС — в жизнь!» Очень даже своевременный лозунг.

— Вот видишь, кое-чему я тебя все-таки научила, — продолжает умиляться учительница.

— Да-а... — протягивает Юра, — между прочим, в десять часов слушал последние известия в ленинской комнате. Так вот, передают, что во Франции намечается крупный шухер...

— Что? — вскинулась Анна Сергеевна.

— Тьфу ты, набрался за лето паразитов. Я говорю, во Франции завтра ожидают крупную забастовку транспортников. Одновременное выступление десяти тысяч человек...

— Что же ты сразу-то не сказал, — всполошилась учительница, — надо послушать новости. Сколько время сейчас?

— Уже без четверти одиннадцать, — смотрит на часы Юра, — скоро опять будет выпуск...

— Вот что, — решительно говорит Анна Сергеевна, — я пойду послушаю, а ты здесь мое хозяйство покарауль. Ничего не трогай, я послушаю — и сразу обратно...

— Конечно, Анна Сергеевна, — Юра приветливо смотрит на нее, — да вы не торопитесь, зайдите в столовую потом, компотику холодного попейте...

— Ладно, ладно, пошла я.

Анна Сергеевна уходит. Юра еще минуту сидит на прежнем месте, смотрит на начало плаката. Потом берет мелок и отбивает следующую букву. Эта буква «Е», вместо ожидаемой «О». Находит кисточку и пишет эту букву белилами. Получается «ИСТЕ». Потом он рывком лезет под старый диван, достает оттуда банку белил, с подоконника забирает кисточку, мелок, линейку, с антресоли вытаскивает рулончик кумача. Сгребает все в охапку, выходит на улицу. К нему тут же подбегают ребята, разбирают вещи на троих, и скрываются в лесу. Юра возвращается в мастерскую и спокойно садится на свое место. Появляется Анна Сергеевна.

— Что-то не было ничего о забастовке. Ну ладно, после обеда буду каждый час слушать, поймаю.

— А компотику-то выпили? — интересуется Юра.

— Эх, тебе бы все компотик...

— Но ведь не портвейном же интересоваться в мои-то годы. Я пойду, Анна Сергеевна, зайду еще в библиотеку...

— Хорошо, хорошо, — рассеянно говорит учительница, принимаясь за дело. Анна Сергеевна не обращает внимания на будущую ошибку. Просто ей вообще в голову

не приходит, что она может сделать ошибку, и тем более, что Юра подложит такую невероятную свинью. Поэтому она просто выбивает мелком букву «Р» и забеливает ее.

Х Х Х

Раннее утро, около пяти часов. Еще не рассвело, но уже утро подступает, белеет горизонт, пробиваются красные лучи солнца. Первым проснулся Саша Степанов, он вообще волевой и целеустремленный парнишка. Начинает будить друзей. В палате больше никого нет, она и рассчитана на четверых. Ребята просыпаются в такой ранний час очень трудно, Ронженин даже умудрился сильно пихнуть Степанова. Тот не обижается и продолжает тормозить всех троих. Наконец, встали. Поеживаясь, одеваются, Колесников выглядывает в окно и замечает: — «Туман еще стоит. Это хорошо. Как в разведку идем».

— Точно, — соглашается с ним Степанов, — как в разведку.

Они берут с собой кумач, на котором днем на поляне написали какой-то лозунг, и, крадучись, и перешептываясь, тихо идут по коридору барака. Дверь в спальню пионервожатых, Ирины и Саши, открыта. Они допоздна не спят, играют в карты, караулят, чтобы воспитанники — мальчишки — не шастали в спальни к девочкам. Дверь так и забыли закрыть. Ребята, проходя, заглянули в палату и остолбенели. Девушки скинули с себя одеяла, короткие их ночные рубашки задрались, обнаружив самые интимные места. Ребята стоят, смотрят, как заколдованные, и видно, что нет сил тронуться с места. Первым пришел в себя Степанов: «Эх, вы, в разведку! Да вас бы фрицы уже сто раз повязали».

Ребята на цыпочках выходят из барака и идут на центральную площадку к штабу. Проходя мимо столовой, Юра видит на ней новый плакат Анны Сергеевны и давится от смеха.

— Чё, головка бо-бо? — участливо спрашивает его Колесников.

— Ты читай...

Они хохочут сдавленно и тихо. Но в лагере нет ни одного бодрствующего. Лишь из ближних кустов слышится какое-то бормотание. Пацаны останавливаются и замирают. Видно, что им по-настоящему, если не страшно, то сильно не по себе.

— Ладно, — шепчет Хен, — я проверю.

— погоди, вместе пойдем, прикрою. А вы здесь сидите, — командует Степанов.

Они осторожно приближаются к кустам, и Хен скрывается в них. Его нет минуты три, потом появляется, и они с Сашей подбегают к Колесникову и Ронженину.

— Это Гурьевич, вдребадан, как свинья, — восторженно шепчет он, — тут нам с Саньком такая мысль в голову пришла...

Они шепчутся, потом Юра быстро бежит на поляну, достает из-под дерна спрятанные в рюкзаке белила, кисть, мелок и линейку. Все это они подкладывают Прокопию Гурьевичу, предварительно измазав его руки в белилах. Учитель только продолжает что-то бормотать в угарном сне. Мальчишки наконец подходят к штабу, бесшумно и шустро достают из-под крыльца две небольшие деревянные лестницы

и в мгновение ока меняют физкультурный плакат на свой. Потом прячут лестницы и пробираются в палату. Дверь в комнату пионервожатых на этот раз уже закрыта, поэтому они особенно усердствуют в бесшумности ходьбы на цыпочках. И, в общем, все кончается для них благополучно, без приключений.

Чего нельзя сказать об одной из пионервожатых, Шуре. Пока ребята меняли плакат, она выбежала в кусты и тоже наткнулась на Прокопия Гурьевича. То, что он был пьян и спал в кустах, несколько ее не удивило, о его ночных пьянках знали все, но вот белила и остальные причиндалы сильно озадачили Шуру. Она никак не могла придумать никакого объяснения этому явлению. Проворочалась часа полтора и заснула перед самым подъемом. Горн разбудил ее очень недовольной собой, Прокопием Гурьевичем, этим лагерем и будущим походом.

Все ей стало ясно на утренней поверке. События развивались так, как и задумали пацаны. Пока шли скучные дела: рапорты, какие-то разговоры о том, чем надо заниматься при подготовке к походу, народ стоял, зевал, скучал. Наконец новый транспарант заметил Валерка Лобов, маленький крепыш, лучший спортсмен лагеря. Он прочитал, до него сначала не дошло, и он начал шептать новый лозунг по слогам: «А-но-низм не вре-ден... Анонизм — не вреден!»

— Не обольщайся, — зашипели на него старшие девочки, — чего несешь-то...

— Я?! — возмутился Валерка. — Это я-то несу! Читайте лучше...

С минуту вся поверка не верила глазам своим, потом люди начали хохотать, и этот ненормальный хохот прокатывался по отрядам, растерявшиеся пионервожатые сначала суровели, потом тоже раскалывались. Наконец кто-то показал на лозунг директору, и тот, мгновенно сориентировавшись, скомандовал: «Вожатые, ведите отряды на завтрак. Обсудим наши проблемы после обеда». И пошел снимать лозунг. Не успел он его содрать, как от столовой снова донеслись раскаты детского смеха. На этот раз некоторые, прочитав над столовой: «Истерические решения съезда КПСС — в жизнь», просто валились в траву. Взрослые уже не знали, что делать. Наконец, они просто начали загонять народ в столовую, как стадо оленей в кораль. После того, как все зашли, лозунг быстренько сняли.

В штабе сидит бледный директор. Он явно не понимает, с чего начать. И тут конечно появляется пионервожатая Шурочка.

— Петр Петрович, я знаю, кто повесил эти лозунги.

— Кто?

— Прокопий Гурьевич.

Она рассказывает ему о своем утреннем походе в кусты.

— Не врешь? — сомневается директор.

— Да что я, ненормальная что ли?

— Ну, кто-нибудь из вас двоих точно ненормальный: или ты, или Прокопий Гурьевич.

Шурочка по-настоящему обижается.

— Ладно, ладно. Где он сейчас-то, на поверке его не было.

Да там же, наверное, я не знаю.

Они идут в кусты. Вещи, подложенные мальчишками, валяются, но самого учителя физики там уже нет.

— Идем в его палату, — говорит директор.

Они заходят в комнату Прокопия Гурьевича. Тот лежит на кровати примерно в той же позе, что и девушки ранним утром. Шурочка отводит глаза, но так, для близиру. Ей важно доказать директору, что она не врет. Директор прикрывает нижнюю часть Прокопия одеялом и рассматривает его руки. Они, как известно, густо измазаны белилами.

— Спятил, — констатирует директор, — хотел ведь раньше выгнать за пьянство, да нечем заменить было. Ладно, проснется, скажи ему, чтобы привел себя в человеческий вид и шел ко мне.

Директор выходит из барака. На скамеечке сидит с каменным лицом Анна Сергеевна. Увидев директора, решительно встает и окликает его.

— Что вам, голубушка?

— Я не голубушка. Я враг трудового народа.

— Не понял, — у директора начинают плавиться мозги, — у вас-то что случилось?

— Конечно, лозунг над штабом писала не я. А вот над столовой — мой...

— Как же это вас угораздило, Анна Сергеевна?

— Ошиблась, — потерянным голосом говорит Анна Сергеевна, мужество покинуло ее. Она начинает плакать навзрыд.

— Да ладно, голубушка, мы же не в городе. Ну, ошиблась и ошиблась, с кем не бывает...

— Надо сообщить в горком партии...

— Ни в коем случае. Никуда ничего сообщать вообще не будем. Все. Забыли об этих дурацких лозунгах. Это приказ, Анна Сергеевна. Его надо выполнять!

— Слушаюсь, — шепчет Анна Сергеевна.

Х Х Х

Вечером, перед отбоем, ребята сидят в палате, идет вялый разговор.

— В Бодайбо вернемся, придется новый плот строить. На этом уже не получишь, Гурьевич постарался...

— Ну ничего, ему сегодня тоже не сладко пришлось...

В это время, легок на помине, в палату входит Прокопий Гурьевич. Он уже слегка подшофе, поэтому злости не заметно. Но и веселья тоже не наблюдается. Скорее, Прокопий просто опечален происшедшим.

— Ваша работа? Можете не отвечать, и так знаю, что ваша. Ладно, мысль пытались донести дельную...

— Ну, Прокопий Гурьевич...

— Молчать. Сам когда-то дрочил, знаю. Только вот что я вам скажу: зря вы со мной такое свинство устроили. Нет ничего хуже, чем валить на другого... Но мне-то это все до фени, я человек алкоголический, конченный, можно сказать... А вам жизнь эту штуку не простит. Вы ведь по малолетству, наверное, думаете, что жизнь-то

длинная, и это все пустячки... Так вот, херня это. Жизнь проходит со скоростью света, а быстрее этой скорости ничего нет. И вас она может также подвести, как меня, вы и не заметите... А когда заметите, будет, ребятки, поздно. Да, поздно. И Прокопий уходит. Ребята сидят подавленные. Может даже и не от того, что прониклись мыслью, а от того, что сказал он это печально и совсем спокойно. Потом Ронженин растерянно говорит:

— Вот тебе и Прокопий. Вот тебя, бля, и физика света...

— Не, а я так и не понял, чё он нам городил счас, — говорит Саша.

— Потом поймешь. — Отвечает Колесо.

— Когда потом?

— Скоро. Он об этом и говорил, что скоро...

— Ладно, делаем зарубку, — начинает Ронжик

— Сюда мы больше не ходим, — заканчивает его мысль Хен.

И опять звучит утренний горн. Камера показывает четверых пацанов, бегущих в строй.

Х Х Х

Они бегут по пыльной улице Бодайбо. Конец июня, прошло уже три года.

Атлетически сложенный, смуглый кореец Хен. Светлый, ближе к блондину, тоже очень спортивный, Ронжик. Степанов и Колесо роста немного выше среднего, но Саша плотный, физически сильный, с круглым лицом, Андрей тонкий как щепка, с продолговатой физиономией. Все четверо в целом симпатичные с виду ребята, лица у них привлекательные.

Они пробегают центр, сворачивают на перпендикулярную улицу, ведущую к Витиму. На обочине два бодайбинских брата-близнеца, классические карлики, с детскими телами и непомерно большими головами, прочищают сточную канаву. Вернее, чистит один, Иван. Кузьма, опершись на черенок миниатюрной штыковой лопаты, курит. Увидев бегущих, они долго смотрят им вслед.

— Черт его знает, как она умудрилась пропороть днище, наверное, когда через порог проходила, — торопясь, проглатывая окончания, возбужденно, на бегу, рассказывает Саша Степанов, — я слышал, как бате на лодочную станцию звонили. Но пока они раскачиваются, пока доплывут, это за Мамаканом, часа три—четыре пройдет. А там, на дне — баржа-то полностью на камни ушла — половина груза — спирт...

— А с командой-то что?

— А чё, с ними, с алкашами, будет? Доплыли до берега, счас где-нибудь в тайге горе заливают, с собой-то прихватили, она же какое-то время на плаву была...

— Сколько их?

— Да, как обычно, трое. Капитан и два матроса.

— Ну, везет, счас мы спиртяшки-то достанем... С зимы не видели, как с прошлого завоза кончился, так еще и не было...

— Ага. Это первая была...

— Ну, братцы, теперь нас может спасти только быстрота и натиск. А то налетят шакалы...

— Да уже с Мамакана-то мужики, наверное, всю сейчас ныряют...

Но они ошиблись. На месте, где утонула баржа, плавает красный буй, и никого, ни одной души. Они подкатывают к бую на плоту, он теперь с небольшим малосильным мотором. Бросают якорь, потому что Витим — река в принципе хоть и широкая и полноводная, но горная, поэтому течение здесь стремительное. Быстро раздеваются, подходят к борту. Видно, что робеют. Саша Степанов, чуть отступив, двумя руками одновременно толкает в воду Ронжика и Колесо. Те с криком проклятья ныряют. Хен мгновенно схватывает его в охапку, и они ныряют вместе. Круги на воде от ныряльщиков плавит жаркое солнце в зените. Где-то около минуты на поверхности тихо. Потом с шумом выныривает Колесо. В руках у него бутылка питьевого спирта. Затем, как поплавки, из-под воды по одному появляются Ронжик и Хен. У них тоже по бутылке. И, наконец, по пояс выскакивает Саша Степанов. В поднятых руках у него две бутылки спирта. Солнце отражается от мокрого стекла, обливает мощный, как у зверя, степановский торс. Он что-то кричит. Что — не разберешь. Они очень счастливы. И даже не столько от привалившей удачи, настоящего форта, а от этого бешеного солнца, стремительной реки и собственного физического здоровья. Они все время что-то кричат, хохочут, хлопают друг друга по спинам. Удача сопутствует им еще минут двадцать. Они успевают вытащить из баржи по крайней мере ящик спирта. Но, вынырнув в очередной раз, слышат приближающийся рокот катера.

— Все, — говорит Саша, — кончилась лафа. Это мильтоны за своей долей плывут. Смываемся.

Плот снимается с якоря и уплывает вниз по течению без мотора. Они отплывают на километр, опять встают на якорь. И, теперь уже спокойно, раскалясь на солнце, открывают первую бутылку. Ронжик лезет бардачок за закуской и обнаруживает, что он пуст.

— Это какая же свинья съела всю тушенку, лук и хлеб, — грозно спрашивает он, глядя на Степанова.

— Ну вот, сразу и свинья. Вчера вечером живот чё-то прихватило, ну я и поправился с грехом пополам...

— Когда живот схватывает, надо голодать, а не НЗ жрать, — говорит Колесо и рукой бьет по днищу бутылки. Пробка вылетает, и они садятся в кружок, разливают спирт в четыре кружки, а в пустую бутылку набирают забортной воды. Разбавляют ею спирт. Видно, что это им не в диковинку.

— Один момент, — говорит Хен. Он подходит к еще одному ящику на корме, достает из него старый патефон. Ставит пластинку. Звучит — слышно плохо, пластинка заезженная, старая — романс «Мой костер в тумане светит». Исполнение явно дореволюционное.

— У бабушки откопал, — объясняет Хен.

Чокнувшись, выдохнув одновременно воздух, они выпивают.

Х Х Х

Бодайбо в те годы сплошь деревянный, небольшой, почти патриархальный городок. В эти дни он утонул в цветущей черемухе. Из конца в конец — километров пятнадцать, и все они в этой черемухе. С одной стороны, он обрамлен небольшими сопками, с другой стороны — Витим. Все четверо, естественно, чувствуют себя в нем очень комфортно и уютно. Приезжих в Бодайбо мало, поэтому, шатаясь по ночам, опасаться надо только своих. А свои... они свои.

Часов шесть вечера, принаряженные, они сидят в небольшом сарае Хена. Его отец, несмотря на ИТЭровскую должность в тресте «Лензолото», держит по неистребимой корейской привычке огромный огород, который продолжается садом. Вот в саду и стоит этот вполне благоустроенный для летнего жилья сарай. Никто из домочадцев Кошки сюда не приходит, как-то у них это не принято. Все лето Коля живет в нем один. Отсюда и полная свобода.

На столе все с этого самого огорода: крупно порезанные помидоры, огурцы, перец, в общем, овощи. Юра притащил из дома огромную вареную баранью ногу. Ребята, чертыхаясь, разделяют ее. Наконец, все готово. Вода для спирта на этот раз чистехонькая, ледяная. Есть местный лимонад, очень вкусный. И, на утро, в ведре охлаждаются 10 бутылок «Жигулевского». Короче, все предусмотрено.

— Ну, с Богом, — говорит хозяин. Все, выдыхая, опрокидывают по первой. Часам к десяти они пойдут в городской парк на танцы, идти до него минут десять. А сейчас готовят себя к этому мероприятию. И так, пожалуй, поступает вся бодайбинская молодежь.

- Сегодня поговорю с Наташкой, поставлю вопрос ребром, — говорит Коля Хен.

- Давно пора. А то она от Колича уже просто не отходит.

Коля мрачнеет. Любимая девушка, судя по всему, оставляет его, уходит к другому, Количу, недавно приехавшему после отсидки из Иркутска 20-летнему парню.

Несмотря на то, что сидел Колич, хоть и по малолетке, но за убийство, человек он вполне мирный, добродушный и отзывчивый. Сегодняшний вечер это докажет.

Друзья, заметив состояние Хена и зная его заморочки, решают проблему кардинально.

— Так, все, посидели, пойдем проветримся, — предлагает Ронжик.

— А куда?

— Пойдем в ресторан. Возьмем парочку с собой, червонец у нас есть, посидим как люди.

— Это верно. А то все то тайга, то Витим, то огород...

До ресторана ходьбы тоже минут десять. Это центр города. Находится этот местный «Голубой Дунай» в длинном дощатом доме. Зал небольшой, весь в синем папиросном дыму. Первый, кого видят ребята, — уже тоже изрядно принявший Прокопий Гурьевич. Пьет он свой неизменный портвейн «777». Увидев мальчиков, приветливо машет им, приглашая за столик. Сегодня это уже можно — два дня назад закончена средняя школа. А Хен — студент горного техникума,

старшекурсник.

Прокопий сильно сдал за эти три года: под глазами черные мешки, руки подрагивают, еще больше растолстел — живот уже огромный. Но, видно, он махнул на это рукой и не обращает на себя никакого внимания. Философствует. — Что, голубчики, уже начали по кабакам шастать? Нечего оказать, хорошее начало...

— Начало чего?

— Жизни, жизни начало.

— А что мы до этого, не жили, что ли?

— Ну, это так, разминка была...

Ронжик после спирта осмелел. Впрочем, он и так парень решительный, даже, пожалуй, слишком.

— Прокопий Гурьевич, ну что вы все время эту дрянь пьете? Какое-то роковое число для вас — три семерки, оно вас погубит...

— Да, — поддерживает его Колесо, — у всех остальных людей, как положено, число дьявола — три шестерки, а у вас...

— Ты бы лучше физику учил, чем читать про числа дьявола. Всякую дребедень ведь читаете, а? Так вот, насчет трех семерок. У меня боевая машина под этим номером ходила. Ладно, жалеть теперь не о чем. И знаешь почему?

— Почему?

А я тебе скажу, почему. Потому что неизвестно, зачем мы вообще на этот свет появились. Хотя я-то понял, зачем. Но для этого нужно было, чтобы меня в танке контузило. Под Прохоровкой, кстати. Но речь не обо мне. Вот ты, скажи, зачем ты родился и живешь?

Он обращается к Ронжику, по его мнению, самому смышленому.

— Ну, не для того, чтобы меня контузило.

— Так ты, брат, хочешь жизнь прожить и чтобы не контузило... чтоб без великого танкового сражения... Так не бывает.

— Типун вам на язык, Прокопий Гурьевич.

— Эх, да если бы дело только во мне было, — вздыхает учитель, — но по большому счету ты прав. Человек рождается совсем не для того, чтобы его в танковом бою контузило... Вот давайте за это и выпьем.

— То есть за мир во всем мире, — подначивают его ребята.

— Да. И за удовольствие. Я вот его только от этих семерок и получаю. А машина наша тогда сгорела. Но мы выскочили, успели. Кроме водителя. Его на месте убило...

Прокопий выпивает и кричит: «Эй, Рита!»

Рита — официантка, маленькая, тощенькая, но, тем не менее, очень эротичная. В это время под ее короткую юбку засунул свою огромную ладонь Рашид, здоровенный татарин лет двадцати. Рита с размаху бьет Рашида подносом по темечку. Тот автоматически, от боли, сильно отбрасывает ее в угол. Рита падает и начинает выть на весь «Голубой Дунай». В общем, ей не до них. Тогда Коля Хен достает из внутреннего кармана пиджака бутылку спирта.

— О, а я думал болтают насчет утопленной баржи, — восхищенно говорит Прокопий, — ну вы далеко пойдете. Ладно, Бог с ним, с портвейном, наливай эту амброзию.

Дальше компания «гуляет по буфету». Пришедшая в себя Рита порхает по залу, разбрасывает закуски. Ребятам она приносит огромный глиняный горшок с дымящимися пельменями. Налегает на них в основном Прокопий — и урчит от удовольствия. Сейчас он особенно похож на кота, лакающего сметану. Видно, что до портвейна он ничего не ел. Разговор незаметно переходит на взаимоотношения полов.

— Помните, Прокопий Гурьевич, как муж Анастасии Павловны вынудил вас черные очки носить? — спрашивает захмелевший Степанов. Он явно дерзит.

— И ведь был у него повод для ревности, — продолжает скользкую тему Колесо, — вы же робкую девушку в каждом темном углу школы прижимали. А она потом никак на урок настроиться не могла. Начнет про деепричастия и зарыдает вдруг. Какие уж там деепричастия...

— Убью мерзавца, — в одну секунду налился кровью контуженый учитель, — а вы свидетелями будете...

Услышав это, Колесо быстро подносит ему почти полный стакан разведенной «амброзии». После него пацаны сразу же берут Прокопия под руки и ведут домой. Это тоже недалеко, но даже такого короткого времени хватает, чтобы перед дверью своей холостяцкой квартиры Прокопий Гурьевич полностью потерял дар речи, перестал соображать и идти на нижних конечностях. Но все кончилось благополучно, они сдернули с него брюки и рубашку, уложили под одеяло. В комнате, вопреки ожиданиям, чисто, аккуратно, все на своих местах. Заботливый и предусмотрительный, Коля Хен пишет записку: «Если в «Голубом Дунае» пива не будет, то можете совершенно бесплатно получить его в моем саду, часов в одиннадцать утра — не раньше». Он даже не подписывается — Прокопий Гурьевич отлично знает их почерки.

А с пивом в городе действительно перебои.

Х Х Х

В городской парк они попадают уже почти ночью, на танцплощадке гремит хит сезона: «Восточная песня». Ребята как-то незаметно расходятся. Первым отчаливает Ронжик: он умудрился сесть на свежеекрашенную скамейку, и на заднице, на новых белых штанах, зеленеет огромное пятно. Игнорировать его невозможно, и Юра решает пойти переодеться. Они живут с Колесом в новом и единственном трехэтажном доме. Остальное Бодайбо — деревянные дома и бараки постройки начала XX века

Ронжик выходит из парка и почти сразу сталкивается с Настей. Она, пыхтя и отдуваясь, меняя руки, тащит огромный пузатый чемодан. Юра еще не знает, кто она. Настя прилетела в Бодайбо вторым, вечерним, рейсом, из Иркутска. Долго плутала, искала гостиницу. Но сейчас она на финишной прямой. Гостиница

находится метрах в 300-х от места «столкновения». Еще столько же до его дома. И он, конечно, пикирует на незнакомую симпатичную уставшую девушку. Она, в общем, довольна происходящим. Главное — чемодан переходит в его руки. Настя от него уже обезумела.

Около гостиницы он говорит ей: «Значит, через 20 минут на этом крылечке».

— Может, все-таки, лучше завтра? Я так устала...

— Вот и отдохнете. Ну, пока.

И он, не давая ей уже ничего сказать, скрывается в темноте. Настя заходит в гостиницу. Слышно все еще звучащую в парке «Восточную песню».

Х Х Х

Народ на танцплощадке отрывается кто во что горазд, это и понятно, провинциальные танцы. Андрей танцует с очень красивой девушкой, ее зовут Света. Света закончила музыкальную школу. Чувство ритма у нее изумительное. Она почти профессионалка. Чего никак нельзя сказать о ее партнере, который пляшет как все остальные, с той лишь разницей, что его еще покачивает от выпитого за день спирта. Кстати, покачивает многих. Но сердится Света на одного Андрея.

— Опять? Ты в прошлый раз обещал?

— Так чего по пьянке не пообещаешь.

— Ах, вот как...

Света разворачивается и убегает с танцплощадки. Андрей сквозь щели забора видит, как к ней тут же подчаливает Алик Воробьев, взрослый парень. Немного постояв, они уходят. Но Колесников совсем не опечален.

Более того, он даже доволен, что на него перестали давить. Понаблюдав за танцующими, Андрей тоже уходит.

Х Х Х

В глубине парка сидят на скамейке Наташка — девушка Коли, и недавний зек Колич. Колич играет на гитаре и блатным голосом поет «Звени, бубенчик мой, звени...» К ним подходит Хен, что-то говорит негромко Количу. Тот так же негромко отзывается: «Понял», и быстренько скрывается в кустах. Наташка, плотная девчонка лет 16-ти, с круглым, как полная луна, лицом, впрочем, довольно симпатичным, нервно спрашивает: «Куда это он? Что это значит?».

— Давай поговорим...

— Да о чем мне с тобой говорить, — срывается на фальцет Наташка.

— Ну, ты успокойся, — как многие влюбленные, Коля не хочет видеть безнадежности своего положения. Так они и сидят: он что-то негромко говорит ей, она пьяно и визгливо отвечает.

Х Х Х

А Андрей Колесников идет к качелям. Они большие, в форме лодок. Не очень трезвая молодежь раскачивается безбожно высоко, на 3—4 метра. В атмосфере пьяного либидо, окутывающего единственный в городе парк, это, в общем, не безопасно. Поэтому администрация по вечерам выделяет дежурного, девушку по имени Рита, с русской косой, привлекательной фигурой, но, главное, безотказную в любви. Рядом с ней сидят на корточках, уже сильно поддавшие, карлики, Иван и Кузьма, покуривают. Колесо, поначалу искренне хотевший только покачаться, развеяться, сбросить немного опьянение, невольно вступает с Ритой в игривый разговор.

— Давай, тормози Ритуля эту пару, они уже устали. А я наоборот, силы некуда девать...

— Ну, только не на качели, — деловито говорит Рита.

Она подходит к близнецам и что-то говорит им. Пока Кузьма достает из кустов 2 бутылки портвейна «777», закуску, Иван подходит к Колесу и, искательно глядя в глаза, спрашивает: «Андрюха, вы, говорят, спиртяги надыбали?»

— Надыбали, Ваня. Но сегодня уже все, с собой нету. Завтра после обеда приходите в сарай к Колянцу, угостим.

— И то, — удовлетворенно качает своей огромной головой Иван.

Рита с сумкой через плечо проходит мимо них, приказывает Андрею: «Идем». И Ваньке: «Глядите здесь!» «А как же», — отвечает Иван.

Они забираются в самый конец парка, здесь очень густые кусты, поэтому сюда и не ходит никто. Рита достает портвейн, лук, хлеб, редиску, помидоры, огурцы, соль, стаканы и небольшую коричневую накидку. Колесо обреченно наблюдает за ней. Выпив для приличия полстакана, он говорит: «Ну, все. Ложись, давай...»

— Да что я тебе! — Возмущается Рита. — Не хочешь пить, давай сначала просто поговорим.

— Давай, — устало соглашается Андрей.

Х Х Х

Юра Ронженин открывает замок и вытягивает цепь, которой пришвартован к стоянке их плот. Настя боязливо глядит на него.

— Что это?

— Это плот.

Он достает 2 складывающихся кресла, сажает слабо упирающуюся Настю, отталкивается от берега, заводит маломощный мотор, и они выплывают на середину Витима.

— Э нет, — говорит Настя, — давай ближе к берегу. Так мы не договаривались...

— Слушаюсь, — и плот начинает плыть вдоль берега. Мотор заглушен, плещется вода, тихо, светло от луны. Юра суетится, раскладывает скатерть-самобранку, которую он прихватил из дома.

— А что, лодки у тебя нету? — спрашивает Настя.

— Есть, конечно. Но его я больше люблю. Он романтичнее.

— Пожалуй, — соглашается она.

Прежде чем начать трапезу, Юра достает патефон, пластинку, заводит ручкой аппарат, бережно обтирает пластинку. Наконец, начинается тихая музыка. Это все тот же романс «Мой костер в тумане светит». Он, с кормы, смотрит на Настю. Уставшая, зачарованная приключением, романсом, она неотрывно глядит на темную бегущую воду.

— Вот, попробуй, наливка, просто чудо, сами делали, на голубике настоящая... Настя выпивает, охает, быстро закусывает. Юра в это время моментально наполняет стаканы.

— Что-то это твоя наливочка чистым спиртом отдает.

— Не может быть, — искренне удивляется Ронжик, — сейчас проверим...

Он опрокидывает стакан, мужественно сдерживает позыв, не закусывает.

— Да нет там никакого спирта.

— А, — машет рукой Настя, — так устала, что все равно.

Дальше они плывут, мирно выпивая, хрустя огурцами, слушая романс.

Х Х Х

Андрей Колесников, задрав юбку Риты, стягивает с нее узкие трусы. Рита довольно деятельно помогает ему, белея в темноте большой грудью. В этот момент они слышат крики, где-то неподалеку идет крупный скандал. Колесо, поначалу не обративший на него никакого внимания, вдруг замирает. Потом резко встает — он слышит тонкий визг Наташки.

— Куда ты? — приподнимается Рита.

— Пойду, разберусь. Чё-то там с Колькой...

— Да погоди, сами они разберутся, Ну ты чё, совсем обалдел, я же так с винта... резьба сорвется...

— Ниче, переживешь.

Он быстро уходит. Рита откидывается на накидку и молча лежит.

Х Х Х

Колесо подходит к танцплощадке, народ веселится вовсю. Наконец он замечает Степанова, что-то растолковывающего Тимке Сырову и Сереге Климовских, их одноклассникам. Подходит к ним. Саша, увидев его, обрадованно кричит: «Ну вот, хоть ты у нас в форме...»

— Где Колян?

— Да тут, слушай, такая канитель была... Короче, не стала Наташка с ним говорить. Да не то что говорить — вцепилась в волосы и визжала, как свинья. Подайте ей, дескать, Колича обратно. Ну, он от нее когда отцеплялся, толкнул, видимо, так она упала, и в полное шизо... Кое-как увели.

— Да пропади она пропадом. Колька где?

— Ну где... Домой пошел.

— Один?

— А че?

— Ну гад ты, Степа. Знаешь ведь, что после того, как мать застрелилась, не в себе он. А че, а че... Дать бы тебе в рыло.

— Да ниче с ним не будет.

— Хорошо, если так. А случится что, так я тебе, ишаку, уши оборву...

И Колесо уходит, оставив разобиженного, хотя, впрочем, уже и встревоженного, Степу.

Х Х Х

На плоту у Юры с Настей начинается развязка: кульминация позади. Видно, как ей хорошо. Они в страсти, пьяны, плывут по течению, шепчут, любят друг друга, и умолк уже певец. Только шум воды и неистовая любовь.

Х Х Х

Колесо поднимается по дороге, ведущей вверх от парка к местному базарчику. Напротив него стоит дом Хена. Андрей, просунув руку в круглое отверстие калитки, отодвигает громадный кованый засов. Бросившийся было пес узнает его, и так же молча, гремя цепью, уходит в будку. Колесников огибает спящий дом, проходит по узкой тропинке между грядками, заходит в сад и видит, что Коля сидит на крыльце своего сарайчика. Ногами он зажал приклад охотничьей «Тулки», ствол уперт в подбородок. Он сидит молча, не шелохнувшись, хотя уже и видит Колесникова.

— Колян... Колян, послушай...

Хен молчит. Андрей медленно подходит к нему.

— Колян, ну хочешь, на колени встану...

И испуганный Колесников встает на колени. Проходит мгновение, и Коля медленно, с трудом, отводит дуло от подбородка. Смотрит на все еще стоящего на коленях Андрея. Это глаза, взгляд человека, больного смертью. Обреченного. Скорей всего, болезнь перешла к нему по наследству. Он болен суицидной депрессией, и вряд ли что-то можно изменить в его судьбе. Но сейчас он молча утыкается в грудь севшего рядом друга. Потом начинает говорить.

— Все ничего, да вот находит... Ничего потом не помню, что делал. Ты думаешь я из-за этой шалашовки, Наташки? Мама меня не отпускает...

Они сидят молча. Потом Колесо, решившись, спрашивает:

— Слушай, а все-таки, что тогда с ней случилось?

— Да в том-то и дело, что ничего. Правда, она, как я сейчас, несколько раз пыталась застрелиться, да кто-то все время вытаскивал. Не знаю, Андрюха. Наверное, отец разлюбил. Я-то ничего такого не замечал. Он, ты же знаешь, мужик жесткий, хрен что по нему заметишь. Да нет, наверное, и вправду разлюбил, если через два года на этой заразе, на Галке, женился. Но я-то, я-то ее любил, и она это знала...

Они еще помолчали. Коля немного пришел в себя. Это понятно — он еще совсем мальчишка. И Коля заговорщицки понижает голос.

— Кстати, подлюга эта, Галка наша. Снюхалась с Игорем...

— С каким Игорем?

— Да вон, — кивает Коля на темнеющую соседнюю усадьбу, — с Семеновым.

— А отец?

— Не знает ничего.

— Ты-то откуда знаешь?

— Да я сам все видел. Она, прежде чем к нему в сад шастнуть, зашла сюда, проверить, дома я или нет. А я как раз на крыше загорал. Ну вот, меня не нашла, и к нему, вон под ту здоровенную березу. Я сначала случайно увидел их, потом, когда они под этой березой трахались, чуть с ума не сошел. Хотел за «Тулкой» сбегать, а потом перерешил. Но придумал одну штуку. Кстати, твоя помощь нужна...

— Да я-то как пионер...

— Давай мы им медвежью яму устроим.

— Это как?

— Ну, ловушка для медведей. Яму выроем, на дно пару ведер красной краски, а сверху такую решетку из тонких досок, ну, из реек, и дерном прикроем. Прямо под этой березой. Я чувствую, понравилось им там...

— Давай, — загорается Колесо.

Х Х Х

Коля лежит на кровати в своем сарае. С улицы доносятся возбужденные голоса, шум, удары. Потом к нему заходит отец. Он останавливается у входа, небольшого роста, но очень сильный физически, кряжистый, плотный. Молчит, смотрит на сына. Коля садится на кровати и тоже молчит, смотрит в пол. Потом отец заговаривает.

— Больше ее не трогай, черт с ней. В следующий раз, если что-то такое случится, я ее выгоню. А ты больше не лезь.

Коля молчит. Отец, постояв, выходит. Коля ложится на кровать, смотрит в потолок. В это время отец возвращается, он врывается в сарай и бешено кричит: «Я сказал, не лезь больше. Если полезешь еще, я тебя убью. Я тебя убью...»

Коля просыпается. Это уже не сарай, комната в рабочем общежитии шахтеров на Колыме, на прииске под Сусуманом. Кричит здоровенный бугай, занеся бутылку — «долгоиграющую» — с портвейном над Колиным соседом. Он-то и орет: «Я тебя убью».

Коля несколько секунд молча лежит, потом встает, выдергивает бутылку. Бугай замолкает, подходит к столу.

— Давай, Колян, шандарахнем. А этой падле, — кивает на соседа, — глотка не дам. Будет знать, как чужую водку всяким блядям спаивать...

Из динамика, висящего на стене, вырывается хрип, затем женский голос так же хрипловато начинает повторять: «Мастер восьмого участка товарищ Хен! Вас срочно просят зайти в шахтоуправление, в кабинет директора. Повторяю...»

Коля еще раз выпивает и начинает плотно закусывать — от запаха. Это уже вполне сложившийся мужчина, более того, даже немного постаревший к двадцати пяти годам. Он, так же, как и отец, очень силен физически, у него красное, обветренное лицо с резкими чертами. Он съедает суп, несколько котлет с пюре, салат, два зубчика чеснока с черным хлебом. Потом выходит на улицу. На секунду Коля останавливается на крыльце и смотрит вперед, на близкую сопку, покрытую карликовым кустарником. Сказать, что это тусклый, серый ландшафт — значит ничего не сказать. Конечно он давит на человека. Вокруг стоят покосившиеся бараки, дорога из луж и непролазной грязи, разбитый деревянный тротуар. Светит неяркое северное солнце. Коля вздыхает, нахлобучивает на начинающую лысеть со лба голову кепку и уходит по разбитым мосткам.

Х Х Х

В Иркутске, около центрального входа в политехнический институт, стоит Настя, повзрослевшая, принаряженная. Через какое-то время в дверях появляется Юра Роженин, тоже при полном параде — костюм, белая сорочка, галстук. Юра почти не изменился за эти годы, разве что в плечах раздался. Он бежит к ней.

— Привет, жена.

— Привет, муж. Ладно, показывай, не тяни.

— Нет, ну ты че какая-то... Ты поздравь торжественно, слова скажи...

— Поздравляю, товарищ горный инженер. Пойдем, обмоем, это дело.

— Конечно, обмоем. Диплом-то все же красный.

— Вот именно. И если бы его хозяин не был дураком и пошел бы, как предлагают, в гортехнадзор, и мы бы в Иркутске остались... Вот тогда бы... А хозяин чокнулся со своим Бодайбо.

— Остановись, убогая. В Бодайбо артели — а это самостоятельность и деньги. Чего еще надо?

— Да я, Юр, понимаю. Да мне и самой там нравится, и райотдел сильный...

Поедем, конечно. Помнишь, как мы познакомились: ночь, плот, Витим, обманщик коварный...

- Когда это было! Ладно, Настя. Пойдем в парк, на наше место, там и обмоем, а? Ты ведь уже, поди, все купила?

— Обижаешь, — показывает Настя на пузатый портфель.

В парке они долго бродят по летним, недавно зазеленевшим аллеям, потом сворачивают в кусты, продираются, выходят на крошечную поляну.

— Ой, — говорит Настя, — у меня чулочная резинка отстегнулась...

И моментально задирает юбку. Юра смотрит — одна из резинок, спускающихся по ягодице к чулку, действительно отстегнулась.

— Застегни! — Приказывает Настя.

Но она прекрасно знает, что это выше его сил. Он начинает расстегивать остальные резинки. Настя тихонько ойкает, но не мешает.

По аллее, где только что шли Юра с Настей, медленно шагает молоденький

милицейский сержант. Он явно обходит свой участок. Услышав визг, бежит в их кусты. Настя уже лежит под Ронжиком. Сержант, знакомый с Настей по работе, растерянно смотрит на них. Настя смотрит на него полузакрытыми от страсти глазами.

— Это, — заикается сержант, — помочь, Настасья Сергеевна?

Тут даже до находящейся в нирване Насти доходит комизм ситуации. Она начинает беззвучно хохотать, потом говорит: «Спасибо, Федя. Он справится». Ронжик не обращает внимания ни на ее слова, ни на Федю. Сержант осторожно, на цыпочках уходит.

Они сидят на скамейке, выпивают «КВВК», закусывают, курят, хохочут, вспоминая сержанта. Юра говорит: «Знаешь, это был анекдот наоборот».

— Какой анекдот?

— Ну, есть такой. Мужчина вот так же в парке, в кустах, пытается поймать женщину, она сопротивляется, идет молоденький милиционер, слышит все, подходит к ним. Говорит: «Ты что делаешь, гад такой». Мужчина и так обозлен тем, что ничего пока не вышло, а тут еще мильтон. Он ему говорит: «Иди отсюда, не мешай». Милиционер нервничает, чувствует что-то не то, но продолжает грозить, мол, прекращайте, гражданин, безобразие. Мужик на миг открывается от своего занятия и говорит: «А ты знаешь, кто я такой?» «Нет». «Ну вон там, на суку, мой пиджак, пойдй, посмотри удостоверение». Растерянный мильтон идет, смотрит, охает, обалдевает, и говорит: «Гражданочка! Надо дать!»

Настя от смеха переламывается пополам. Потом, вдруг, ни с того, ни с сего, грустнеет и говорит: «Вообще-то, если разобраться, вся наша жизнь анекдот наоборот».

— Что ты. Ты посмотри, красный диплом, ты уже старлей, сколько счастья впереди...

— Да, — Настя мгновенно успокаивается и потягивается всем своим молодым роскошным телом, — я вообще счастливая. Мама рассказывала, что меня, когда в роддоме первый раз к ней принесли, она на номерок поглядела и ахнула — 777 номер. Счастливый.

Х Х Х

В бухте, на рейде, стоит противолодочный корабль. Саша Степанов, морской офицер, лейтенант, заступает на дежурство по кораблю. Потом команда садится на большой катер и отчаливает в увольнение. День солнечный, жаркий.

Немногочисленный народ уходит с палуб или на дежурство, или в кубрик. Саша медленно идет, осматривая все потенциально опасные, с точки зрения воинской дисциплины, места. И это приносит свой результат: в шлюпке он обнаруживает спящего Опанасенко, молодого матроса, только что пришедшего на службу. Саша будит его. Тот храпит, не просыпается. Саша морщится: от Опанасенко несет водкой. Он пьян в лоскуты. Это, вообще-то, нонсенс — молодые в армии первый год не пьют. Значит, Опанасенко исключение из правил. Дальнейшие события

показывают, что так оно и есть.

Наконец матрос просыпается. Кое-как вылезает из шлюпки, пытается вытянуться перед лейтенантом. Тот молча и с интересом наблюдает за пьяными телодвижениями. И когда Опанасенко принимает более или менее осмысленную позицию, Саша вдруг рявкает: «Матрос Опанасенко, слушай команду — покидание корабля».

Бедный матросик стоит и тупо пялится на Степу. Тот начинает закипать: «Матрос Опанасенко, почему не выполняете приказание командира? Была команда: срочное покидание корабля! Выполняйте!»

Матрос, заикаясь по-пьяному, спрашивает: «Как это — пок-кидание корабля?»

•Вы что, в учебном отряде не выполняли эту команду?

- Я не был в учебном отряде, товарищ лейтенант. В госпиталь попал, сразу после карантина...

- Значит, как команду выполнять на корабле не знаете, а как водку жрать, уже узнали. Ну, ничего, мы вас от этого отучим, а к этому приучим...

И с этими словами Саша берет Опанасенко за шиворот, подводит к борту и опять командует: «Срочное покидание корабля! Прыгай!»

Опанасенко стоит ни жив, ни мертв. Но алкоголь притупил инстинкт самосохранения — он прыгает.

От палубы до воды метра три, не так много для обученного матроса. Здесь происходит все не так. Во-первых, Опанасенко грубо плюхается всем телом, сильно ударившись об воду. Во-вторых... во-вторых, он скрывается и, вынырнув, орет: «Тону!» Бьет руками и ногами вокруг себя. Держит его пока только морская вода.

•Твою мать, — охает Саша, — да он же плавать не умеет.

Он невольно оглядывается по сторонам. Палуба пуста. Степанов молча смотрит на Опанасенко, крепко вцепившись, до побеления пальцев, в кромку борта. Позади него появляются матросы, привлеченные воплями Опанасенко. Один из них берет спасательный круг и хочет бросить утопающему.

•Подожди, — останавливает его Саша, — иначе из него вообще ничего не выйдет.

- Так утопнет же...

- Ничего. Доплывет. Сафонов, идите, спустите трап, помогите вылезти.

- Слушаюсь, товарищ лейтенант.

И Опанасенко действительно доплывает, вернее, добарахтывается до притопленного конца трапа.

Море безмятежно гладкое, полный штиль, и солнце жарит вовсю. Степанов уходит в рубку, садится, закуривает.

Х Х Х

По чертовски крутому склону чукотской сопки медленно ползет ГТС — гусенично-транспортная самоходка. Сопка странная, диковатая, ягелем она покрыта только местами, все остальное пространство занимают древние каменные

плиты. Чем-то доисторическим веет от этого почти горизонтального склона. Наверху стоит локатор, его обслуживает взвод ПВО. Название у точки соответствующее — «Останец», значит, остаток палеолита. Что-то в этом роде. На крыше ГТС сидит Андрей Колесников в форме лейтенанта, на груди у него транзистор играет американский джаз, граница с Аляской совсем рядом. Он командует вниз, в кабину, бойцу, управляющему этой «грозной» машиной. Так, сбавь немного... А здесь надо поддать, помнишь расщелину, через 3 метра будет, скоро влево возьмешь, не забудь... Черт, Васильев, я же сказал, расщелина, не газуй...

Но видно, что-то не сложилось в этом тандеме. На самом опасном участке водитель, вместо того, чтобы притормозить, нажал на газ. Машина рванулась вперед, потом неуклюже завалилась на бок. Андрей, успевший прыгнуть, впереди нее покатился по склону. ГТС, еще два раза перевернувшись, ложится на крышу на небольшой каменной площадке. Колесников навзничь лежит метрах в трех. Через несколько мгновений он очнулся, сел, потряс головой. ГТС уже дымится, сбоку пробиваются крошечные язычки пламени.

•Ох, солдатик же там, — говорит Андрей сам себе.

Он встает, видно, что его покачивает. Наверняка, сотрясение, головой ударился о каменные плиты, и сильно разбито колено.

•Васильев, — зовет он.

Молчание. Колесников, чертыхнувшись, идет к ГТСу. Парня немного прижало, он тоже пока без сознания. Андрей, найдя рядом выпавший небольшой ломик, отжимает дверь, залезает по пояс в кабину, освобождает водителя, осторожно вытаскивает его наружу. Когда тащит его по площадке, самоходка уже горит вовсю. Андрей кладет солдата на ягель, расстояние до взрыва вполне безопасное. Он смотрит на горящий ГТС, и вдруг говорит: «Господи, да как же я раньше-то не заметил».

Камера показывает то, что его удивило. Это бортовой номер ГТСа — 777.

•Снаряд в правый бок моей боевой машины... Но у него-то водитель сгорел... Ну, Прокопий...

Он смотрит на уже очнувшегося солдатика и говорит подавленно: «Вот такая, брат, хуетень...»

•Так я не понял, в нас чо, стреляли чо ли.

- Стреляли чо ли.

- Кто?!

- Как кто? Помнишь две недели назад вы всем взводом в клубе с чукчанкой Дашей из Уреликов сексом занимались?

- Так это чо... Так ей же еще мало было... Она потом еще в роту обслуживания пошла...

- Ну вот, а папаня ее обиделся только на тебя. Притащил 145 мм гаубицу и шарахнул нам в правый бок.

- Шутите, товарищ лейтенант, — морщится от боли солдат.

- А че мне, плакать, чо ли. Да не стони ты, сейчас она взорвется, наши на звук

примчатся, вылечат нас, а потом ты под суд пойдешь за такую езду.

- Пропала молодость, — обреченно говорит Васильев, — хорошо вам, товарищ лейтенант, вы после университета, скоро домой, а тут ...

В это время ГТС наконец-то взрывается, катятся камни, летят обломки, огромный костер. Потом все затихает, и в тишине из чудом уцелевшего транзистора вдруг идет удивительный текст: «Говорит Ном. Сегодня мы, военнослужащие специальной базы Соединенных Штатов поздравляем с днем рождения супругу командира полка ПВО Советской Армии Ксению Павловну. В подарок — песня».

Х Х Х

Андрей Колесников идет с маленькой дочкой в кинотеатр на Баррикадной — в основании высотки на площади Восстания.

•Нет, папа, так дело не пойдет...

- Как — так?

- Ну, когда ты прошлый раз брал меня у мамы, мы вот тут же и были, только в зоопарке.

- Да, — признается Андрей, — географию не поменял. Но не моя вина. Хорошо, ты вот скажи, а в прошлый раз мы мороженое ели?

- Нет, холодно было.

- То-то. А сегодня будем, хотя и тоже не жарко.

Колесу немного за тридцать, он начал заметно седеть. Но в остальном, пожалуй, совсем не изменился. Они сидят в кафе-мороженом, рассуждают.

•Пап, а ты что, правда, завтра в командировку на Северный полюс летишь?

- Правда. А тебе кто это сказал?

- Мама.

? Ох уж эта мама, все-то она знает, никуда-то от нее не скроешься, даже на Северный полюс...

Правильно. Потому что она следит за твоим творчеством, ведет гонорарную политику.

Тут у актера, играющего Андрея Колесникова, кусок мороженого останавливается в горле. Он должен мужественно протолкнуть его дальше.

•Там, наверное, и белые медведи есть? — Дочка не заметила, что с папой что-то произошло.

- Может быть, — Колесо справляется с шоком, — я еще не был там ни разу. Но могут и быть, теоретически.

- По-моему, они рассудительные.

- Это откуда же такой вывод?

- А вот когда мы в прошлый раз в зоопарк ходили, я за ними до-о-лго наблюдала.

- Молодец ты у меня, Машуня. Наблюдательная, вся в маму...

- Да? — Не по-детски проницательно смотрит на него Маша. — А, по-моему, в тебя.

- Вот ты смотри, сколько мы разговариваем, ведь совсем немного, а посчитай, сколько раз ты сказала — «по-моему»...

- Порода такая.

- Ладно. Понял. Давай доедать и идем в кино.

Х Х Х

Колесников сидит в кухне гляциолога станции Северный полюс Голицына. Они выпивают с хозяином спирт, закусывают жареной картошкой с тушенкой, черным хлебом. Сидят, видимо, уже не первый час, спирта выпито не то чтобы уже много — достаточно.

- Вот ты пиши, — говорит Голицын, — пиши для своего очерка, записывай. Вот это я тебе говорю, гляциолог Голицын, уж третья ходка у меня на СП. Значит так: весь этот таинственный, мерцающий лед, что вокруг нас, эти хрустальные торосы, все это великое и великолепное белое безмолвие...

Тут Голицын почему-то замолчал. Потом разлил остатки спирта, аккуратно разбавил его, они выпили. Голицын, задумчиво пожевав горбушку, продолжил: «Пиши: херня все это. Я на льду диссертацию защитил, знаю, что говорю...»

- И хрустальные торосы? — Довольно пьяно спрашивает Колесников.

- Эти в особенности.

- Правильно. Я вчера лыжу снегохода об торос сломал, как не побили, до сих пор не пойму...

- Вот. Вот видишь — и тебя из-за них чуть не отмудохали. Хрустальные, — с презрительным оттенком произносит Голицын.

- Вот если бы, скажем, это не лед, а золото было, — мечтает он, — тогда другое дело...

Колесо вспоминает Ронжика.

- У меня друг есть, он сейчас на старательском участке, в бодайбинской тайге, начальником... Вот там сколько хочешь этого золота...

- Да ты че? — Встрепенулся Голицын. — Правда, друг? Слушай, а ты мне не можешь протекцию составить?

- А что, на полюсе надоело, что ли?

- Надоело, — опять презрительно тянет Голицын, — не надоело — остолбенело.

- Да я-то могу. Но ты учти, там ведь не то, что у вас, совсем другой контингент, интеллигенции нету. Зеки бывшие, да и другие тоже, им под стать...

- Ну, это не страшно. Я так понимаю, мне, как кандидату наук, участок тоже дадут. А там, главное, в первый же день выявить лидера и сломать его. И все будет тип-топ...

- Что ты имеешь в виду, как это — сломать?

- Физически, физически сначала. Табуреткой пахана по голове, потом на улицу вытащить и пинать до полного ку-ку, чтобы вся шобла это видела... После как шелковые станут.

- Ну ты мастер!

- А как же. Мы где живем-то? Нам без этого нельзя.

- А вот без спирта — можно?

- Ах ты господи, кончился, что ли? Слушай, ты бы сам сходил к коку за добавкой, а? Мне, боюсь, не даст, у меня с ним отношения тонкие и нервные...

- Да я бы сходил, но там ваша Ленка...

- Да она не тронет, не кусается она.
- Это вас она не кусает. А меня, незнакомого, она не кусать — просто жрать станет.
- Да, сучара она, конечно, порядочная, — соглашается Голицын, — недавно, представляешь, 8 банок сгущенки стащила...
- Сколько банок? — Настораживается Колесо. Он опять вспоминает Бодайбо, детство, пионерлагерь.
- Восемь.
- Хм... Надо же...
- Чего ты?
- Да, это так, ничего. Но один я не пойду.
- Ладно, пошли вместе.

Они выходят, идут по обжитой территории СП. Солнце бьет в глаза, и сильно поддатый Голицын, проходя мимо огромной белой медведицы Ленки, безмятежно растянувшейся во весь рост на помойке, спотыкается об ее ногу. Он падает, встает и гневно говорит: «Опять разлеглась!» Потом думает (он вообще немного заторможенный и в то же время очень вспыльчивый, нервный) и добавляет: «Проститутка!».

Тут медведица, до этого вполне добродушно косившая на них томным взглядом, взреывает и привстает на передние лапы. После этого рыка гляциолог и Колесо мигом оказываются в столовой СП. Там, отдышавшись, Голицын говорит: «Нет, ну ты посмотри, ну никто правды не любит. Вот сколько раз замечал: че хочешь ей говори, чё хошь с ней делай, лежит, только носом вертит. Как до правды дойдешь, так в ней будто бес просыпается...»

- Да с чего ты взял, что она проститутка?
- Ну, глядите на него. — Снисходительно говорит Голицын. — Да я только в марте шестерых кобелей насчитал, с которыми она по льдинке шастала. И кто же она, по-твоему?

Они сидят, ждут кока. Потом Голицын вздыхает и продолжает тему.

- Эх, была бы наша Ленка поменьше...
- И что? — С любопытством смотрит на него Андрей.
- Что? А, да это я так, ерунда, — вдруг дико смущается Голицын, — слушай, друг, я ведь второй срок подряд на этой штопаной льдине. Знаешь, мысли разные лезут...
- Да. По-моему тебе действительно пора на материк, домой...

После этих слов Голицын резко снимает шапку. В его глазах появляются слезы.

- Пора...
- Успокойся, — пугается Колесо, — через три дня борт будет, вместе улетим...
- Улетим... — эхом отзывается Голицын.

Наконец вваливается ушкуйного вида мужик, в черной телогрейке, ватных штанах, с огромной бородой — кок. Он, ворча, дает им еще бутылку питьевого спирта.

- Только ради товарища корреспондента, тебе, оглоеду, ни фига бы не дал...

Под это ворчание они выходят на улицу. Солнце, отражаясь от белизны снега и синевы глыб льда, слепит почти нестерпимо. Они надевают черные очки. Слышен удаляющийся голос Голицына: «Нет, так-то она добрая. И со сгущенкой не ее вина,

кок, раззява на виду открытый ящик оставил...»

Постепенно голос затихает, и их фигуры растворяются в пронзительных солнечных лучах, в ярком, контрастном, сине-белом пространстве льдины.

Х Х Х

Саша Степанов лежит во Владивостокском госпитале, отдельная палата. Он не один — в его кровати красивая девушка. Они разговаривают, расслабляясь после любви.

- Сань, а у тебя в Техасе комната в общежитии или отдельное что-нибудь?

- Слушай, ну что ты как попугай за матросней всякую ерунду повторяешь. Не в Техасе, а на военно-морской базе Дольская...

- Да мне до лампочки, хоть горшком назови. Ты про квартиру ответь...

- Отдельная, — нехотя отвечает Саша, — тебе-то что...

- Что — отдельная?

- Квартира отдельная.

- Ну вот. Замечательно.

- Что замечательно?

- А то, что я узнавала, там, в Техасе, ой... в Дольской, есть хорошая поликлиника, и в ней не хватает медсестер, а уж такую опытную, как я, вообще с руками и ногами оторвут...

- Слушай, — не на шутку тревожится Саша, — я тебе что, обещал что-нибудь...

- Успокойся, Сашура, нельзя тебе волноваться, все же сквозное пулевое, ну ничего, я-то выхожу, уж до свадьбы все заживет...

- До какой свадьбы, — злобно шипит Степа.

В эту минуту в палату без стука вламывается молодой парнишка в госпитальной пижаме и не сильно кричит: «Саня, полундра, к тебе адмирал идет...»

Саша выпихивает девушку, на которую это сообщение особого эффекта не произвело, из-под одеяла.

•Давай, Шурка, одевайся...

- Да не успеет она, — опять тихим голосом кричит парнишка, — он уже в коридор завернул...

- Шурка, бери манатки и под кровать. И учти — пикнешь, ни о какой женитьбе и речи не будет, ты меня знаешь...

- А если не пикну?

- Вот тогда и поговорим.

Девушка Шура мгновенно сгребает одежду и ныряет под довольно широкую, стоящую у стены кровать. В этот же момент в палату входит здоровенный контр-адмирал.

- Здравия желаю, товарищ адмирал...

- Да ты че, Саня, ты бы еще с кровати вскочил... Здорово друг, здорово. Ну как, после Анголки-то, холодновато дома, а? В прямом, твою мать, и переносном смысле...

- Да, Евгений Иванович, не те погоды...

- Вот и я говорю, — смеется адмирал, — вот, коньячка прихватил, давай по рюмашке, у меня пятнадцать минут, и два важных сообщения.

Он достает плоскую фляжку, наливает себе, Степе и парнишке в стоящие рядом с вазой, наполненной яблоками, стаканы. Они пьют, берут яблоки и одновременно, как по команде, закусывают, смачно хрустя.

- Да, — задумчиво говорит адмирал, — если бы ты тогда до пулемета не добрался, не было бы взвода. Я-то видел. До сих пор все перед глазами стоит...

- Да у меня тоже, — признается Саня.

- Ребята-то ходят?

- А как же, Евгений Иванович. Ходят.

- Ну ладно. Перейдем к хоть и приятной, но торжественной части. Вчера начальник штаба подписал представление тебе на «Звездочку», за этот бой, в котором вы морпехов выручили. Сегодня в Москву ушло, я сам проконтролировал.

- Здорово. Спасибо, Евгений Иванович. — Светится от счастья Саша.

- Ну вот, — наливает еще коньяка адмирал, — давай за тебя, за скорое и полное выздоровление...

Они выпивают. Адмирал, помотав головой, говорит: «А теперь второе сообщение». Он, чуть помедлив, смотрит на парнишку: «Свиридов, давай, пойдешь, погуляй пока. Я коньяк-то оставляю, потом допьете».

Парень уходит. Адмирал поворачивается к Саше: «Сообщение действительно конфиденциальное, я бы даже сказал, секретное, поскольку исходит из моего департамента, а ты знаешь, какой я отдел в штабе возглавляю...»

- Евгений Иванович, товарищ адмирал, а может не надо сейчас, может, потом, если что-то такое секретное, — видно, что Степа здорово растерялся.

- А чего, — недоумевает адмирал, — мы же вдвоем. Ладно, слушай сюда. Пришла разнарядка из Генштаба, нужно послать молодого, перспективного во всех отношениях офицера на учебу в Институт Красной Армии. Усекаешь, что это такое?

- Кадры для ГРУ?

- Правильно. И ты друг извини, но лучше твоей кандидатуры на сегодняшний день на флоте нету. Молодой кап-три, да еще орден присобачат...

- Да я что? Я согласен, товарищ адмирал. — Степа хочет побыстрее закончить ставший опасным для него разговор.

— Хм.., — улыбается адмирал. — А кто же, сынок, от таких предложений отказывается. Что-то я на своем веку не припомню. Ну, ладно, бежать пора. Значит, завтра дам команду, начнем оформлять документы.

- В шпионы, значит, — не выдерживает Степа.

- Темный ты парень, Сашок. Только что и научился, как бомбы в океан метать, да вот еще из шмайсера от бедра... В разведчики, в разведчики, понял. Все, я опаздываю, давай пока, выздоравливай, короче, отдыхай на полную катушку. Будут новости, я сообщу. До свидания, Сашок.

- До свидания, Евгений Иванович.

Адмирал уходит. Из-под кровати появляется мордочка Шуры с улыбкой во все

лицо. Она выглядит комично и трогательно: голая, молодая, красивая, счастливая.

- Саня, вот заживем, а? Это где, в Москве жить будем, а?
- Ишь губищи-то раскатала, — поневоле улыбается Степа.

Х Х Х

Небольшой кабинет в райотделе Бодайбинской милиции. Настя, в форме капитана, допрашивает худого, длинного белобрысого балбеса.

- Значит так, Крючков. Я тебе задаю вопросы, ты на них четко и по существу отвечаешь. Четко и по существу. Понял? От этого, между прочим, многое зависит, как хорошее, так и плохое.

- Да я понял, гражданин следователь.

- А может, гражданка? — Лукаво улыбается Настя. Парень теряется, сидит, думает, но так ни к чему и не приходит.

- Да ты не думай, а то думалка сломается. Ты четко и честно отвечай на вопросы, вот и все. И не надо напрягаться, думать. Слушай: в прошлом году, в мае, в квартире ограбленного Зотова. вы были вместе с Гладковым?

- Да вы что, гражданин следователь, вы же сами, по материалам, знаете, что мы тогда еще незнакомы были...

- Слушай, Крючков, ты, видно, не понял, о чем я тебе говорила: четко — и по существу. Иначе плохо кончишь...

Настя смотрит на парня, а сама незаметно включает на запись скрытый в проеме стола магнитофон.

- Нет, Гладков там был один.

- Так. Выходит, что и избил Зотова Гладков?

- Ну конечно, он, Гладков.

- Скажи, а ты в эпизоде с Самсоновой стоял на шухере?

- Ну вы же знаете, гражданин следователь, что я тогда стоял на шухере.

- Ладно, молодец. Иди, отдыхай в камеру, да чтоб без драк...

- Понял.

Парня уводят. Настя перематывает пленку назад, и, стирая первый вопрос, записывает на его место другой: «Скажите, Крючков, в квартире убитого на прошлой неделе Князева вы были вдвоем с Гладковым?»

Затем проматывает ответ и накладывает новый второй вопрос: «Значит, Князева убил Гладков?»

И, наконец, дело доходит до третьего вопроса: «А ты, значит, стоял на шухере?»

Настя нажимает на кнопку вызова дежурного конвоя и говорит появляющемуся в дверях сержанту: «Приведи мне Гладкова сейчас».

Сержант кивает, поворачивается, чтобы выйти, Настя задумчиво смотрит ему в спину, говорит: «Толь, погоди. Давай не сейчас, давай минут через сорок. Иди, садись».

Сержант, довольный таким поворотом, садится около Насти. Она открывает сейф, достает бутылку любимого ей «КВВК», колбасу, сыр, хлеб. Они выпивают, потом сержант уходит, а Настя сидит, смотрит невидящими глазами в пространство

кабинета. Она не пьяна, но с ней явно что-то не то: какая-то отрешенность, усталость. Она вообще подурнела за эти годы: мешки под глазами да и сами глаза потускнели, и не смеется, не улыбается Настя, как прежде — каждый полчаса. Наконец приводят Гладкова, такого же молоденького, крепкого, с бульдожьим лицом, толстой шеей и удивительно развязными манерами.

- Ну, вот и опять встретились, гражданин следователь, да что толку от наших встреч...

- Ну, Володя, не скажи, не скажи...

- Конечно, не скажу. Потому что нечего говорить. Я этого Князева в глаза никогда не видел, о чем же мне говорить?

- А вот друг твой, Крючков, обратное утверждает...

Кто? Петька?! На понт берете, гражданин следователь, а еще такая молодая и красивая...

- Да что мне тебя на понт брать? Я-то тут причем? Вот, сиди, слушай, кто кого на понт берет...

Настя включает магнитофон, и Гладков слышит новую редакцию допроса своего подельника. По ней выходит, что он сдал его со всеми потрохами. И не только сдал — оклеветал, повесил убийство на Гладкова целиком и полностью. Крепыш вскакивает и орет: «Гнида! Да это же он его на кухне первый по голове вазой захуюжил, пока я капусту искал! Гнида!»

- Ты сядь, Володя, успокойся. А будешь орать, трепыхаться, так тебя быстро успокоят, сам знаешь как. Что, давно в противогазе не сидел? Так что, давай по существу: вместе убили?

- Ну, не знаю. Может он его с первого раза завалил, я же пульс не щупал. А добили вместе...

Настя записывает показания Гладкова, дает ему расписаться, жмет кнопку вызова, парня уводят. Она сидит, совершенно опустошенная, окаменевшая. Потом опять лезет в сейф, достает коньяк, допивает его почти залпом, не закусывая.

X X X

Бодайбинская тайга. Старательский участок около поселка Перевоз. Такое же название и у участка. Сюда перевели начальником Юру Ронженина. И вот, по существу, первая встреча с коллективом, он идет по проходу в маленькой столовой, вокруг на лавках сидят старатели, разговаривают вполголоса.

- С Васильевского перевели, говорят, толковый, по сотне килограмм там намывали...

- Посмотрим, что да как... Васильевск-то по сравнению с нами детский сад...

- Да и то... Мало что толковый, ты еще человека пойми, обустрой его...

- Здравствуйте товарищи старатели. Я, Юрий Михайлович Ронженин, ваш новый начальник. Ну вот, а дальше будем знакомиться непосредственно на участке. Прошу всех пройти сначала в жилой барак...

Толпой они вваливаются в симпатичный свежесрубленный барак. В спальне

чистота, комфорт, уют. На одной из коек лежит мужик — это шнырь, уборщик.

- Давно дежуришь? — спрашивает его Юра.

- А всю жизнь, начальник. Как мамка родила, так шнырем и живу...

- Понял. Теперь зарубите себе все: с завтрашнего утра шныри будут меняться ежедневно.

- Ты че, начальник...

- То. Пахать завтра пойдешь. Как все. Вот что...

- Да я тебя... — идет на него мужик, — сейчас зубами уши отгрызу, а потом нос откушу...

- Ну, попробуй, рискни...

Мужик замахивается. Юра успевает первым — сначала пинает его в мошонку, и когда тот от боли сгибается, берет за волосы, бьет три раза лицом об свое колено. Мужик мешком молча валится на пол.

— Так, — командует Юра, — Демидов, Сергеев, несите его на промприбор.

Мужика тащат в карьер, там практически распинают у земляной стены, из которой, собственно, и вымывают золотой песок. Ронжик молча встает за штурвал гидропушки. Мощнейшая водяная струя, разбивающая грунт в пыль, медленно приближается к распятому. В метре от него останавливается, и в тишине Юра говорит: «Ну что, пора тебе у меня прощения просить. Говори: дяденька, прости салагу!» Мужик молчит, скрипит зубами.

- Ну, как знаешь, — говорит Ронжик и вновь включает монитор. Струя уже почти достает беднягу. Видно, что он что-то орет. Юра выключает пушку, и в наступившей тишине звучит конец фразы: «...прости салагу».

Х Х Х

Юра Ронженин, в брезентовой ветровке, модных джинсах, похудевший, заматеревший, идет по Бодайбо. Он небрит, за плечом сумка — прилетел на базу по делам, идет домой. Он тоже не похож на прежнего обаятельного паренька: чувствуются, проглядывают в облике властность, суровость и какая-то напряженность постоянная. Словно бы весь мир против него, того и жди подвоха. Так оно и оказалось. Он звонит, открывает Настя, сильно поддатая. Бросается ему на шею, целует, плачет — это и искренне, но это и пьяные слезы. «Генерал» (так его прозвали на участке) Юра виду не подает, проходит, раздевается, говорит: «Настька, я в ванну, а ты пока сооруди чего-нибудь, потом посидим. У тебя, надеюсь, твой «КВВК» никогда не кончается?»

- Никогда! — кричит развеселая Настя.

- Да, и не зови никого. Вдвоем посидим. Или не соскучилась?

- Я тебе сейчас дам, не соскучилась...

- А куда ты денешься, — уже себе под нос бурчит Юра и скрывается в ванне.

Стены в ней ободраны, кафельная плитка большей частью потрескалась, облетела. Юра смотрит, хмурится, потом лезет под душ.

Вечером они сидят на кухне, Настя, протрезвевшая было, от двух стопок коньяка вновь опьянела. Юра спрашивает: «Ладно, чего ходить вокруг да около. Настена,

что делать будем? Когда бы я ни приехал, одно и то же — ты бухая. Слушай, ну я же знаю, откуда ноги растут. Уходи ты из этой чертовой милиции, не для тебя это...»

- Дурак, — резко отвечает Настя, — как был дураком, так им и останешься. Да у меня почти стопроцентная раскрываемость, зимой на внеочередное звание представляли...

- Представляли... Ну, и где оно, твое очередное?

- Да тебе-то это до фени, — тянется к бутылке Настя, — дак че ж тогда спрашиваешь...

Мне все, что с тобой связано, не до фени, — говорит Юра.

Они выпивают, сидят, курят. Настя, человек по природе своей очень умный, как-то собралась, хмель отступил немного.

- Юрчик, ну ты же знаешь, как я в профессию влюблена была... Больше, чем в тебя, прости господи... Ну как-то не доходило до меня, что вот так все будет. Прав ты — сил больше нет, я скоро с родной матерью нормально разговаривать не смогу, буду подозревать, ловить ее на чем-нибудь... Ладно ловить — подлавливать. Ну что же делать, Юрчик, родной, ну подскажи, ну ты же умница, ты все знаешь...

- Уходить надо, Настена. Эта профессия для людей с другим мировоззрением, говоря пафосно. Не для тебя...

- Черт, ну как ты не понимаешь, ну вся же жизнь коту под хвост. Если я не буду следователем — я уже никем не буду. Раньше надо было думать...

- Ну что ты, миленькая, — Юра разливает коньяк, они выпивают, он гладит ее по голове, — что мы с тобой, без этой чертовой следовательской практики не проживем, что ли? Да ты смеешься, Настя. Люди в среднем по полторы сотни получают, а у меня иногда до трех тысяч доходит...

Но, видно, Настю такой вариант не очень-то устраивает. Не хочет она сидеть дома — но и милиция ее доконает, это ясно. И любимый, единственный, даже обожаемый, Юрчик, здесь бессилён. Никто не может ей помочь...

Настя выпивает, закусывает и тут же наливает себе еще. Юра молча смотрит на нее. Настя, почувствовав этот взгляд-укор, еще больше стремится выпить, из чувства противоречия, что ли. Она напивается.

- А ты, ты-то что... По полгода в этой чертовой тайге сидишь... И что я буду здесь делать, если еще и не работать...

- Да работу-то найдем...

- Нет, — в пьяном капризе возражает Настя, — мне никакая другая не подойдет. И вообще, ты-то лучше бы помалкивал, тоже мне, семейный наставник... Ты видел, наставник, что в ванне творится? Мне что, самой, что ли, эту плитку менять... В глазах у Насти появляются хоть и пьяные, но все же слезы обиды.

- Ну вот, — смущенно говорит Юра, — вечно ты Настька, как чё не по тебе, на какую-нибудь ерунду свернешь...

- А я говорю, это не ерунда.

- Хорошо. Не ерунда. Вот давай поспорим : ты сейчас ложишься спать, а утром

встаешь и в ванной уже новая плитка...

- А на что спорим?

- На что мы можем спорить, — угрюмо отвечает Юра, — конечно, на бутылку коньяка.

И правда: Настя, к тому времени уже совсем пьяная, поддерживаемая Юрой, сбрасывает халат, всем телом бухается на кровать, мгновенно засыпает. Ронжик идет в подвал их 3-этажного дома, несет в квартиру заранее заготовленную плитку, быстро размешивает раствор. Все у него в руках спорится, дело делается, как сказка сказывается. И к утру ванная блестит новым кафелем.

Юра выходит на кухню, садится, наливает рюмку коньяка, делает тостик, выпивает, закусывает. Закуривает, подсаживается к окну. Солнце уже высоко и его лучи обливают досыпающее Бодайбо. Он улыбается. Сидит, курит. Потом в проем дверей смотрит в спальню. Отсюда видно спящую Настю. Она свернулась калачиком, спит совершенно безмятежно, все ей нипочем во сне — как бывало с ней еще недавно наяву. И Юра опять улыбается. Просто видно, как теплеет и на его душе.

К сожалению, процесс не обратим. Утром Настя заходит в ванную, слышен ее восторженный визг, она вылетает, в трусиках и лифчике, бросается на Юру, валит его на постель и при этом все время бормочет: «Ну, прости, заснула вчера, ну прости, Юрчик, чтоб я сдохла, если еще раз, вот увидишь, я девка-то сильная...» Вечером он сидит, ждет ее. Звонок в дверь. Юра открывает, Настя стоит, чуть живая — до того пьяна.

Он затаскивает ее в квартиру, умывает. Настя садится за стол, пьяно и картинно закуривает. Юра не выдерживает: «Ну, такой пьяни я все же не ожидал...»

- Кто пьянь? Я пьянь? Это ты, а не я пьянь...

? Заткнись... — грохает кулаком по стене Юра. Сильно грохнул: в ванне послышался оглушающий взрыв. Настя оцепенела, испуганно смотрит на мужа. Юра медленно встает, подходит, открывает дверь: новенькая плитка горами усыпала ванну и пол.

Х Х Х

Коля Хен сидит в приисковой столовой со своим дружкой Дондиком, местным почтальоном. Они пьют водку, закусывают. Коля очень постарел, морщины избороздили его худое, немного подсохшее лицо.

— Ну, давай еще немного, а потом я посплю чуток, сегодня в ночную...

— Эх, Колян, сдалась тебе эта шахта. Денег, конечно, больше, чем на почте, но куда тебе их девать-то, бобылю?

- Да ты же знаешь все, че спрашиваешь? Подкопил за три года, теперь все, что не пропито, с ребятами в Москве прогужую...

- Станный ты, Колька. Тебе уж давно бабу пора найти, дом завести, а ты все: ребята, ребята, Москва, Москва...

- Да надо, конечно. Да все что-то мешает. А потом, эти ваши сусуманские бабы, извини...

- Да уж не хуже бодайбинских...

- Хуже.

- Ладно, замнем. Сколько можно об одном и том же спорить. Ты вот только одно мне скажи... Вот если ты свое Бодайбо так любишь, так чего же не возвращаешься? Там ведь шахтеры не меньше наших получают... И дружок в артели начальник.

- Да понимаешь... Там ведь кроме Юрки есть люди... Я-то их до сих пор люблю, а они меня до сих пор не любят.

- Понимаешь, понимаешь... Ты сегодня звонка-то от дружков ждешь?

- Нет, 25—26 должны позвонить, завтра или послезавтра. Сегодня последнюю смену отпашу, а там как отмашку дадут, так билет в зубы, и айда к ребятам.

- Сумасшедший дом, — вздыхает Дондик.

- Точно, — с удовольствием соглашается Хен.

Вечером он идет в толпе шахтеров на смену. Человек 10 подходят к огороженной территории, тут крупным планом идет вывеска: «Шахта «Заполярье», N 777. Северовостокзолото». Они заходят в здание, переодеваются, получают амуницию, каски, приборы личной безопасности. Потом вся эта группа входит в кабину лифта. И здесь, наплывом, показаны лицо, глаза Хена — это лицо человека, которого замучила, засушила тоска. И по глазам видно — не жилец.

Х Х Х

Андрей Колесников сидит за письменным столом в своей заставленной книжными полками однокомнатной квартире, стучит на пишущей машинке. В комнате еще широкая тахта, пара кресел. Звонок в дверь, потом кто-то открывает замок ключом. Это Саша Степанов, похудевший, но чувствуется в нем какая-то особенная, медвежья сила. Вообще, Саша, отдаляясь от Севера, от тайги, рыбалки, охоты, все более внешне становится похож именно на бодайбинского аборигена. Об этом он еще скажет сегодня. А Колесо катастрофически седеет, но и фигура, и лицо у него остаются практически прежними. Смотрится это несколько удивительно.

- Ну чё, есть какая-нибудь информация? — спрашивает Саша, разгружая сумку с бутылками «Боржоми».

- Не-а. Ничего. Пропал Ронжик начисто. Да ты че дергаешься, в первый раз, что ли, скоро сам объявится. — Колесо говорит это, не отрываясь от печатания.

- Это точно... А ты Насте звонил?

- Лучше бы не звонил. Она не только говорить — трубку в руках удержать не может. И, по-моему, даже и не знает, что Юрка к нам полетел...

- Дела...

- Меня сейчас другое беспокоит. Сегодня уже 29, а Колька от нас отмашки еще два дня назад ждал.

- Ну и че? Мало ли что бывает. Да и про Ронжика он, слава богу, все знает, каков он в свободном полете...

- Да так-то оно так... Ну ты же знаешь Кольку, как бы не нагородил чего...

- Это да. Ну так давай искать Юрку, наверняка он, как и в прошлый раз, где-нибудь

в гостинице в одиночку киряет...

- Лады.

Колесо садится было к телефону, чуть помедлив, поворачивается к Саше.

— А с тобой-то что? Тоже ведь не первый день знакомы, вижу, что не в себе...

- А, — машет рукой Степа, — ерунда всякая.

- Ну так расскажи...

- Андрюха, ну не могу я. Не рекомендуют нам про свою учебу распространяться...

- Ну и черт с тобой. Не рекомендуют... Тогда ищи себе других друзей и действуй по рекомендациям вашим долбанным...

- Да не кипятись ты.. Ладно, ничего в этом, конечно, нет. Короче, зачет я завалил, один из самых ответственных...

- Сань, ну расскажи, не томи...

- По тайниковым операциям. Надо, грубо говоря, тайник устроить, а потом, через несколько дней, мой преподаватель его распотрошит...

- Чего проще...

- Вот, вот... Устроил я его на стройке, в деревянной катушке, здоровая такая, финская, на ней кабель полностью намотан был. Через два дня гуру туда пришел — а катушки и след простыл. Укатали, ебена мать, строители бухту... Теперь вот, осенью, пересдавать...

- Слушай, — видно, что Колесо, чтобы не обидеть друга, давит в себе смех, — кем же ты все-таки станешь? Нелегалом? Дипломатом?

- Дурак ты, Андрюха, все же, — Степа встает, подходит к зеркалу, — ты посмотри на мою круглую рожу, ну, какой к черту дипломат, нелегал...

- Хотя, — уже серьезней продолжает Саша, — дело, конечно, не в роже. И не в этих вот тайниковых зачетах — язык-то у меня на пять, берлинский акцент, все дела... Но мой папа работает водолазом на лодочной станции в Бодайбо, а не генерал-лейтенантом в генштабе. Вот в этом, брат, все и дело. Догадываешься, кем я буду?

- Ума не приложу...

- Это хорошо. Ладно, давай обзванивать, а то я растрепался че-то... Где мы его в прошлый раз нашли?

- В гостинице «Минск».

- Вот, давай, звони администратору.

Колесо открывает толстенный московский телефонный справочник, находит номер, начинает крутить диск.

В этот день они его так и не нашли. Обнаружили Юру только на следующие сутки, в гостинице «Заря востока». Сразу рванули туда. Войдя в небольшой, но вполне комфортабельный номер, они видят лежащего в одежде Юру, перед ним стул, на нем початая бутылка «КВВК» и сморщенный ломтик лимона. Батарея пустых «КВВК» стоит под журнальным столиком. Больше в комнате ничего нет. То есть, предметы есть: телевизор, холодильник, радио, но ни один из них в сеть не включен.

- Вот так друзья, — увидев ребят, говорит Юра. Не сказать, чтобы он уж сильно

пьян, но многодневный марафон действует даже на его могучий организм, — вот так друзья и сижу здесь, жду вас. А вы все не идете и не идете...

- А позвонить сил, конечно, не хватает, — язвит Колесо.

- Ну, это было бы слишком просто. Хотя ты прав: сил в самом деле не хватает. Степанов наливает себе немного коньяка, выпивает, смотрит на лимон, потом на Юру.

- Слушай, ты сколько уже здесь?

Ну, как сказать. Все в этом мире относительно, даже время, — отвечает Юра, - я, кстати, изобрел наконец перпетуум мобиле. Вчера. Это, друзья, часы, которые подзаряжаются самим временем

- Да. Аларм. В смысле — полундра. Жалко, что Эйнштейн не пил так, как ты, - говорит Саша.

- Да он, кажется, вообще не пил, - встревает Колесо.

- Вот только не надо нам ваши грязные журналистские сплетни о великом человеке рассказывать! - Степа, раздраженно. - Не пил... За уши лил. Как еврей, так сразу — не пил! А откуда теория относительности взялась, по твоему?! А то, что ему рядом с нами жить пришлось... Ты, Андрюха, если чего не знаешь, ты у меня, у будущего офицера разведки генштаба, спроси. А, ладно... (машет рукой). Ронжик, скажи честно, ты за эти дни хоть раз его попробовал? — Степа двумя пальцами поднимает ломтик.

- Честно?! Не, ребята, че то мне закусь не идет...

- Ясно все, — говорит Колесников, — сейчас прямо отсюда Колыму закажем, Колян у отмашку — и в баню. Традиционный выход из пике...

- Чтобы потом перейти в штопор, — флегматично замечает Юра, — стоит ли...

- Ну, подследственный, это уж позвольте нам судить — стоит или не стоит, — обрывает его Саша

Колесо садится за телефон.

- Девушка, Магаданскую область...

Х Х Х

Комната в том же самом горняцком общежитии. Коля лежит на койке. Он теперь живет один. В комнате вроде все есть: тот же телевизор, холодильник, диван, кресла, стол, рядом примыкает маленькая кухня... Но, как-то все по-холостяцки, не обжито.

Хен встает, достает водку, наливает стакан, выпивает. Сидит, подперев подбородок рукой, о чем-то думает. Потом берет календарь, смотрит на него, говорит: «Неделя почти прошла. Неделя. Уже не позвонят...» В глазах его появляются слезы. Он наливает еще, выпивает, закусывает, тушит папиросу, кладет голову на руки. Потом резко встает, достает двустволку, проверяет, заряжена ли. Она заряжена. Он садится на кровать, ставит дуло под подбородок — в точности так же, как в детстве, в Бодайбо, зажмуривается, видно, как палец начинает тянуть крючок курка...

Х Х Х

На несколько секунд темный кадр, грохот — то ли выстрел, то ли еще что-то... В номере Юры Андрей Колесников смотрит на предмет, упавший с журнального столика. Он нечаянно толкнул его, ходя по комнате в ожидании звонка. Это он прогрохотал — тяжеленный, килограмма полтора, в форме револьвера, золотой слиток.

- Это что? — спрашивает он у Юры.

- Ты че, сам не видишь, — спокойно скребет небритый подбородок Ронжик, — золото это, Андрюха, золото.

- Юр, да ты че, спятил, что ли, — нервно говорит Степа и нагибается за «револьвером». Ронжик в этот момент весело подмигивает Колесникову.

- Будем отпиливать по кусочку и продавать, — это он Степе, — на полгода хорошей пьянки, гарантию даю. Потому что понимаю и в том, и в этом...

- Вообще-то дело стоящее, — задумчиво поддерживает его Колесо.

- Да вы че городите, братцы? Вы совсем офонарели, да? Это же вышка, вам ли не знать...

- Зато полгода проживем. Нет, дело стоящее, — продолжает гнуть свое Андрей.

- И как проживем! — Так же флегматично продолжает Ронжик, — ты Саня, включи фантазию ...

- А и то, — вдруг соглашается с ними Степа. Он наливает себе коньяк. Поднимает стакан, замирает. Ставит его на столик. — Только надо за два месяца постараться. Потом у нас сборы, то, се...

Тут Ронжик, у которого марафон потрепал нервную систему, не выдерживает, хмыкает. За ним начинает хохотать Колесо.

- Муляж, — догадывается Степа. - Из свинца, — переламывается пополам Юра.

- Разыграли, шакалы, — улыбается Степа.

В это время начинает звонить телефон. Андрей берет трубку и говорит: «Это общежитие? Позовите, пожалуйста, Колю Хена...»

Ему что-то отвечают. Он сидит несколько секунд молча, с трубкой у уха. Потом кладет ее и, не глядя на ребят, говорит: «Колька застрелился».

Х Х Х

Андрей Колесников, в джинсовом костюме, кроссовках, с пижонистой кожаной сумкой, идет по раскисшей деревенской дороге, чертыхаясь, выбирая места посуше и почище, прыгая через лужи. Дорога приводит его к большому старому потемневшему трехэтажному деревянному зданию. Из-за забора слышится детский гомон, смех. Это школа-интернат в Тульской глубинке.

Он подходит к невысокому забору, опирается на него, закуривает, смотрит, слушает, улыбается. На дворе май, солнце уже хорошо прогревает. Видно, как ребята копошатся в огромном огороде — вскапываются землю под картошку. С ними две женщины — молодая и уже в годах. Та, что постарше, увидев Колесо, спешит к нему, смешно переваливаясь своей тучной фигурой.

— Уж не Андрей ли Иванович, — спрашивает она.

- Он самый.
- Оч-чень приятно. А мы вас ждем, ждем, не дождемся.
- Ну, вот и дождались, — улыбается Колесо.
- Я директор — Светлана Афанасьевна.
- А меня вы, похоже, знаете...
- Еще бы... Идемте, я вас с нашим завучем познакомлю.

Дети, увидев Андрея, бросают лопаты, обступают его и Светлану Афанасьевну, перешептываются между собой. Наконец одна девочка, высокая, симпатичная, судя по всему, лидер в этой веселой команде, спрашивает: «А о чем вы все-таки писать будете?»

- Обо всем. Но задание конкретное — рассказать о работе вашей ученической бригады, лучшей в районе. Вы же выиграли районный конкурс?
 - Выиграли.
 - Ну вот. А в ЦК КПСС приняли постановление о развитии этого движения. И вот, как говорится, я здесь...
 - Где приняли? — переспрашивает девочка.
 - Идемте, идемте Андрей Иванович, — заторопилась директриса, — а то они вас сейчас замучат. А вам с дороги отдохнуть, в баньку сходить, да и вообще. Места-то у нас, глядите, какие...
- Место было великолепным. Русский лес обступил деревню, он уже немного зазеленел, воздух, можно сказать, чистейший, только немного пахнет горьковатым дымом — на огородах жгут весенние костры.
- Эх! — Весело вздохнул Колесо.
- ? Да, да, отдохнете заодно.

Светлана Афанасьевна провела его на третий этаж, показала комнату. В ней аккуратно застелена железная койка, старый радиоприемник, и еще старее — кожаное кресло, не иначе, годов из тридцатых.

- Вот это да! — обрадовался Андрей. — Люблю старые вещи...
 - Располагайтесь, отдыхайте. А я часа через 3—4 к вам загляну... Никто вас не побеспокоит, интернат-то у нас не сиротский, сезонный. Так что дети после обеда по домам, по своим, деревням, разойдутся. Вот и отдыхайте спокойненько...
- Дальше показана эта работа — отдых: Колесо все время с ребятами, он копает, стругает, заколачивает, поливает, словом, трудится на совесть. Вечером что-то пишет или сидит на крылечке, пьет пиво, смотрит на закат, на костры, на людей. И еще — в школе тренажер для обучения водителей, прообраз будущих компьютерных игр. Вот и забавляется Андрей вовсю, ездит по виртуальным сельским дорогам на самосвале. Через 4 дня он вдруг как очнулся: пора домой, командировка была на три дня.
- Да вы что, Андрей Иванович, — всплескивает руками директриса, — да мы уж привыкли... Да нет, я понимаю, конечно, но сегодня-то точно не отпустим. Послезавтра...
- Почему послезавтра? Тогда уж завтра, Светлана Афанасьевна.

Да нет, завтра никак, завтра вечером мы банкет устраиваем...

- Какой банкет?

- Как какой? В вашу честь. Когда еще корреспондент из центральной газеты в сельскую школу-интернат приедет? Да вы бы и сейчас не приехали, если б не это постановление...

- Это так, — смущенно чешет затылок Колесо.

- Ну вот. Так что никаких возражений — послезавтра.

- Идет. — Видно, что Андрею самому здесь нравится, поэтому и соглашается сразу.

Вечером следующего дня он спускается на первый этаж в школьную столовую. Длинный стол установлен всякой едой, по большей части деревенской, с огородов, посредине запеченный гусь с яблоками и небольшой поросенок. Тут и там, в огромном количестве, стоят бутылки коньяка «Белый аист». Учительницы, их десятка полтора, женщины самые разные, от совсем молоденькой физички до совсем уж дряхлой преподавательницы геометрии Ирины Михайловны, принаряжены и находятся в каком-то особенном, немного неестественном тонусе. Хотя до этого вечера они были уже довольно накоротке с Андреем и все в их отношениях было просто. Но, видно, таковы традиции, и действуют они безотказно. Начинаются тосты, выпренье, торжественные, смешные: говорят их уже чуть поддатые женщины, и это женское очень чувствуется.

- За то, чтобы у Андрея Ивановича, дорогого нашего, наконец-то сложилась личная жизнь. И чтобы было его кому из командировки встречать, — в ход пошла конфиденциальная информация, выуженная из столичного корреспондента школьным коллективом порой совсем немыслимыми способами.

- И чтобы новую жену не в столице нашел, а на просторах России. Оно, конечно, и в Москве порядочные, наверное, есть, но где же их найдешь...

Через некоторое время Андрею уже хочется сесть по восточному, поджав ноги. Часть учителей, как это и бывает на вечеринках, занята разговором, питьем, едой, танцами. А часть будто озверела: они по очереди, по одной, парами подсаживаются к Андрею, говорят какие-то вещи, уже по-деревенски откровенные и по-пьяному бабские. Постепенно Колесо начинает шалеть от их грубоватой словесной эротики.

- И еще, Андрей Иванович, обидели вы нас немного. Почти неделю прожили, а все зря. Уж неужто мы все здесь такие страшные?

- Да что вы, Любовь Васильевна, как можно? Все красавицы, одна лучше другой...

- А что, — встревает высокая, очень женственная литераторша, — может стрючок уже подсох? Так я мастерица, даром, что не биолог, а так-то что угодно поднять смогу.

- Типун вам на язык, — кокетливо пугается тоже уже хорошо разогретый «Аистом» Колесо, — этот стрючок еще всем стрючкам стрючок.

- Да на словах-то вы горады, говорить-то умеете, это мы знаем. Доказать бы — вот тогда б вам цены не было...

- Да что у вас, мужиков нет, что ли? Ведь замужние вы все, — не выдерживает

Колесо.

- Ну, предположим, не все, — директриса Светлана Афанасьевна, из дальнего угла учуяла начало гипотетического конфликта. Как только она под села к Андрею, агрессорши быстро растворились в гуляющей столовой, — а ведь они, хоть и дуры, а дело говорят, Андрей Иванович. Обидел ты нас, что у нас, все такие убогие, что ты ни к какой даже с разговором не попытался...

- О, и вы туда же. Да не подумал я как-то, все с ребяташками, да и душой отдохнул. Ну, не хотел я никого обидеть, Светлана Афанасьевна, вы-то верите?

- Да я-то верю. Но дело надо исправить, иначе негоже будет.

- Как это? — Тут даже опытный Колесо теряется. Ясно, что она не шутит.

- Да очень просто. Сдается мне, что страшно тебе все эти ночи в пустой-то школе одному было. Ну, лучше поздно, чем никогда. Назначим на последнюю ночь сторожа, чтобы впечатление с собой хорошее увез.

- Кого? — автоматически спрашивает Колесо. Он еще не до конца осознал, что разговор не абстрактный, а вполне конкретный.

- Вон, видишь, у магнитофона, Люда Потапова, историю преподает второй год. Ей я и поручила это ответственное задание...

- Нет, стоп, как это — поручила? А со мной-то вы посоветовались, у меня спросили? — Колесо не на шутку, всерьез, возмущен произволом.

- А чего спрашивать, — нахально улыбается директриса, плеская себе и Андрею «Аиста», — мы ее оставим, а там уж дело ваше...

- Хорошо! — Колесо выпивает, сидит в растерянности. Не то, чтобы он не хотел остаться с хорошеньким, молоденьким сторожем, ему не нравятся диктаторские замашки директрисы. Но и обижать ее грубым отказом не хочется. Через мгновение Андрея осенило — но эта идея могла родиться только уж в совсем пьяной голове. — Хорошо, будь по-вашему. Я-то согласен, даже спасибо скажу, только вот один вопрос — а Люда член партии?

- Что?

- Ну, что-что? Я спрашиваю, она член партии или комсомолка еще?

- Да как... Комсомолка еще. А при чем тут это?

- Как это причем? Еще как причем. Вот, смотрите, здесь что написано? — Колесо достает свое красное удостоверение. Наверху золотыми тисненными буквами строка — «Газета ЦК КПСС».

- Ну и что? — Теперь уже Светлана Афанасьевна теряет мысль.

- Ну, вы, Светлана Афанасьевна, прямо как дите малое. А ведь не первый год в партии и на руководящей работе...

- Слушай, ты брось вокруг да около, говори толком — при чем здесь партия, комсомол?

- Комсомол не при чем. Я не знаю, как у вас здесь, а мы, партийные журналисты, перед каждой командировкой расписку даем. И вот в ней среди прочего такой пункт есть — если что-либо такое со мной случится, то партнер обязательно должен быть партийным. Иначе, если дело наружу вылезет — персоналка.

- Врешь, — выдыхает Светлана Афанасьевна, — не было такого в партийных

документах...

- Ну, Светлана Афанасьевна, это не разговор, — Колесо делает вид, что он хочет встать и уйти, — я вам, как коммунист коммунисту, мог бы и не объяснять, а вы...

- Да ты погоди, Андрей Иванович, сядь. — Удерживает его директриса. — Давай выпьем, поговорим, чего нам обижаться друг на друга, одно ведь дело делаем...

- Какое? — заинтересованно смотрит на нее Колесо.

- Ну, какое... — туманно отвечает директриса, — хорошее дело. Ты вот что, ты побойсь — правда что ли у вас так все строго поставлено?

- Нет, ну вы же знаете, я человек холостой, ну чего мне придумывать-то? — И тут вдруг Колесо задумывается: а и впрямь, зачем он все это нагородил? Девчушка-то славная. Стройная, высокая, как свечка с длинным пламенем...

Они сидят молча, выпивают. И когда критическая точка пройдена — а до нее недалеко было — директриса вкрадчиво говорит: «Слушай, а ты посмотри, что вокруг-то творится? Перестройка, переоценка всякая... А может и хрен с ней, с этой партией. А?»

- Ну, — неуверенно отвечает Колесо, — может и хрен.

- Вот, — наливает директриса, — вот. Ты мне сразу, между прочим, приглянулся. Вот за такими, как ты, будущее страны. Значит, оставляем сторожа?

- Ну, значит, оставляем.

- Ух! Люблю! Сама б осталась да у меня мужик дурной, прибежит с топором, тут не до сторожбы будет.

- А у комсомолки Потаповой муж есть? — настораживается Колесо.

- Не бойсь, холостая она. Ух, завидую. Слушай, ты не из казаков будешь?

- Нет. Мы сибирские, чалдоны.

? Да? А похож на казака, — мечтательно говорит директриса. Видно, что с казаками связаны какие-то очень приятные воспоминания.

Х Х Х

Под утро, в рассветной полусумрачной тишине, в колесниковской комнате, слышен шепот сторожа: «Ох, что же вы делаете-то, Андрей Иванович. Нет, не надо туда. Да, везде можно, а там нельзя...»

Слушай, — приостанавливает возню Колесо, — как это, здесь нельзя. Без этого, милая, никак...

- Ну, нельзя, нельзя, Андрей Иванович, ЦК КПэсесик, миленький...

- Я чё-то не пойму. Ты чего осталась-то, если нельзя? Ты что, девушка, что ли?

- Ну, как сказать... Ну, не то, чтобы уж совсем девушка...

- Тогда перестань меня морочить, — и Андрей опять начинает атаку. В конце концов он побеждает. Люда в страсти сжимает его спину руками и все время, сначала тихо, потом все громче и громче, приговаривает: «Ой, как хорошо... Ой, ЦК КПэсесик, ой, ой, ой... Ой, мамочки, ЦК Кпээсесик, миленький, хороший мой...» Ну и все прочее, что женщины говорят, кричат и выстанывают в таких случаях. Потом они лежат, солнце заливает комнату. Колесо говорит: «Давай в столовую спустимся. Позавтракаем».

Они приходят в столовую, садятся, накладывают в тарелки вчерашнюю еду.

Андрей наливает по рюмке коньяка.

- Давай, — глядит на него влюбленно сторож, — за несбыточное.

- Какое несбыточное? — Неосторожно спрашивает Колесо.

- За то, чтобы мы с тобой, ЦК КПэсесик мой, любимый, еще когда-нибудь вот так встретились...

- Слушай, чё ты меня так странно зовешь? — переводит разговор Андрей.

- А ты забыл? Светлана Афанасьевна вчера задолбала меня: он из ЦК КПСС, он в ЦК КПСС...

- А, — вспоминает Андрей, — да, конечно...

- Так что, пьем? — глядит на него комсомолка Потапова. — За то, что я предложила?

- Конечно, пьем. Обязательно встретимся.

Они чокаются, пьют. Потом Колесо говорит: «Ты подожди, я пойду сумку соберу.

Скоро будет проходящий на Москву. Проводишь?»

- Ну, что спрашиваешь — конечно, провожу.

Они идут по сельской тропинке, посреди какого-то злакового поля. Подходят к станции. Люда остается на улице, Андрей заходит в здание, покупает билет. Подходит к девушке.

- Через семь минут поезд...

- Да, давай здесь простимся. Сам же знаешь, деревня...

- Да я понимаю. Ну, до свидания, комсомолка Потапова, сторож мой ненаглядный, лучший сторож в моей жизни...

Она целует его. Потом говорит: «Ну, иди. А то опоздаешь, он у нас минуту стоит, не больше...»

Андрей уходит. Метров через двадцать поворачивается и кричит: «До свидания...»

- Прощай, ЦК КПСС, прощай мой хороший, — шепчет, не вытирая слез, комсомолка Потапова.

Х Х Х

Андрей Колесников заходит в СВ, идет по узкому коридору, находит свое купе, стучится. В ответ слышит: «Заходите». Он открывает дверь, в купе сидит мужик лет 35, с небольшой темной бородкой, лысоватый, плотный, но не толстый. Он немного пьян. Смотрит тревожно на Андрея, потом говорит: «Товарищ, вам надо отодвинуть ее от своего порога...»

- Кого? — Колесо еще целиком под впечатлением от расставания.

- Смерть надо отодвинуть. На, сразу стакан, иначе не подействует...

И он наливает стакан «Белого аиста», стоящего на столике.

- Ну, не надо сгущать краски, — улыбается гостеприимству Андрей, — но полстакана приму, это правильно, мне сейчас, пожалуй, полстакана нужно...

- Ну вот, — глядя, как он выпивает, констатирует попутчик, — и на этот раз мы ее обманули. Я, если честно, еще недавно сам таким же был...

Говоря все это, он деловито режет огромным тесаком холодное мясо, рыбу, овощи, хлеб. Потом наливает по чуть-чуть — за знакомство.

- Петр.
- Андрей.
- А вот как вы, Андрей, отнеслись к тому, что Григорович возвращается в Большой?
- А он возвращается? — Искренне удивлен Колесо.
- Вы сами-то откуда? — Становится подозрительным Петр.
- Я из Москвы.

- А я из Тюмени. Так у нас это событие мой фарфоровый завод неделю обсуждал. А вы из Москвы и не в курсе... Вся страна радуется, а вы не в курсе... Может, вам Юрий Николаевич не нравится?

- Очень нравится, — успокаивает его Андрей.

Следующий кадр: они сидят в тех же позах, на столике не кончающийся «Белый аист». Они уже оба изрядно подшофе, но держатся. Попутчик с наступлением темноты начинает говорить тихо, но страстно, эмоционально: «И еще один рецепт от диареи, сиречь — поноса. стакан водки круто замешать солью... Через полчаса все проходит...»

- Только надо обязательно бутылку допить... — серьезно дополняет Андрей.

- Правильно. Правильно. Вы мою информацию с губ считываете. Я вот сам из Тюмени, так у нас, особенно на моем фарфоровом заводе, с малолетства понос водкой с солью лечат...

В общем, больше их можно не слушать. По поездному радио звучит песня группы «Любэ», как нельзя лучше соответствующая ситуации, — «Дорога». Постепенно камера уходит из купе, потом из вагона, поднимается над поездом, потом этот ночной состав становится лишь мчащимся в безбрежной темноте длинным светлым пятном, оно уменьшается в размерах...

X X X

Это пятно — фонарь на ночной бодайбинской улице, недалеко от дома Ронжика и Насти. Они идут к нему с двух сторон: Юра, обеспокоенный ее ночным отсутствием, просто вышел от тревоги, Настя, пьяная, бледная, растрепанная, в милицейской форме, бредет на «автопилоте». Она первая подходит к фонарному столбу, стоит, вцепившись в него, отдыхает. В это время подходит и Ронжик. Он глядит на нее, руки у него сжаты в кулаки до белизны. Но молчит. Да и что тут скажешь — Настя совсем не реагирует. Юра подходит вплотную, говорит ей: «Идем». Он берет ее сзади за плечи, а она орет: «Не смей трогать! Я капитан милиции...»

- Капитан, капитан, — успокаивает Ронжик, — но и капитанам домой надо. Идем, идем, не ори, весь город перебудит...

- А не перебуду, так пересажаю, — веселится Настя.

Он приводит ее в квартиру, раздевает, сажает под душ.

- Только холодной не надо, — как-то по-детски просит Настя. Юра все смотрит на нее и... и ничего с собой поделат не может — глаза его становятся ласковыми.

- Эх, дуреха...

- Эх, дуреха, — соглашается сидящая на дне ванны Настя. Ронжик держит душ,

поливает, вытирает, ведет в спальню, укладывает. Настя трезвеет. Юра хочет уйти, но она просит: «Посиди здесь...» Он садится на край тахты, она лежит, молчит, потом утыкается ему в колени и горько плачет, тонко, как щенок, постанывая. Юра молча гладит Настю по голове.

Х Х Х

Огромный участок, огороженный двухметровым свежим тесовым забором в Бодайбо — главная база старательской артели «Север». Во дворе такие же свеженькие, недавно поставленные деревянные коттеджи, баня, двухэтажная контора, столовая. Очень напоминает все это таежный старообрядческий скит, если бы ни один, выражаясь нынешним языком, приколом. Посреди территории небольшой фонтан: в полный рост стоит бронзовый Ронжик (специально выписывали скульптора из Иркутска), в джинсовом костюме с огромными красными лампасами на брюках и такого же цвета генеральскими погонями, на отворотах — веточки. На голове — идеальный пробор, а посередине дырка, из которой вырывается струя. Суровая скульптура, хотя и смешно. Территорию обихаживают, убирают, холят и лелеют два знакомых нам карлика — Кузьма и Иван.

В конторе, в конце длинного узкого коридора, дверь с табличкой: «Председатель артели». Дальше все, как положено: небольшая приемная, кабинет, секретарша за пишущей машинкой. К ней заходит главный инженер Юрий Васильевич, большой, пузатый, отечный мужчина.

— Генерал дома?

— Дома, дома. И никуда вроде не собирается, — сообщает девушка.

Юрий Васильевич входит в кабинет, садится и как-то неуверенно говорит сидящему в начальническом кресле Ронжику: «Юрий Михайлович, вам на радио надо зайти».

— А что там...

— Да Перевоз...

— Соскучились без меня, — весело перебивает его Юра, — ну, прямо дети, недавно же заезжал...

— Да там ЧП у них, Юрий Михайлович...

— Че ж ты вола-то тянешь? Чего сразу не говоришь? Что случилось?

— Да я что-то не особенно понял... Пьянка какая-то...

— А, — машет рукой Ронжик.

В радиорубке он берет гарнитуру рации, ему вызывают Перевоз.

— Здравствуйте, Пал Стефаныч. Что произошло?

— Здравствуйте, Юрий Михайлович. Да вот тут такая история: Стороженко развязал, недели две тихушничал, пил в тайге, ну мы делали вид, что ничего, мол, начальник участка все же...

— Голову я этому начальнику оторву. А тебе тоже не поздоровится за то, что не доложил. Ну и где он, Стороженко, давай его сюда.

— Дак, вот в этом-то все и дело, Юрий Михайлович. Я, конечно, за себя отвечу, но Стороженко позвать не могу. Короче, белая горячка у него началась. Он в своем

домике уже третьи сутки сидит, с ним ящик спирта...

— Стефаныч, ну я тебя не узнаю: скрути ты его до вертолета, и вся недолга...

— Да он еще с собой карабин прихватил и все патроны. Как кто начинает к нему подступать, палит почему зря... Меня, например, чуть не угрохал... Кричит, дескать, что будет держать оборону Брестской крепости до последней капли крови...

— Ну, дела. Ладно, сегодня уже световой день кончается, завтра с утра вылечу. А ты, Пал Стефаныч, смотри, чтоб никто к нему носа не совал, и чтобы рядом не шастали...

— Да народ понимает, Юрий Михайлович. Ждем, а то атмосфера какая-то напряженная, не знаю, что и делать...

— Ладно. Разберемся.

Утром Ми-8 взлетает, берет курс на Перевоз. Садится на огромной поляне, к нему подбегают старатели, обступают Ронжика. Потом он с двумя бригадами обходит участок, не приближаясь к злополучному домику.

— Так, Стефаныч, веди теперь на основной склад...

Основной — этот тот, где, собственно, старатели и хранят добытый золотой песок. Они заходят в этот домик, два охранника молча встают.

— Привет, привет, бродяги, — здоровается с ними Юра, заходит в хранилище.

Павел Стефанович дает ему регистрационный журнал.

— Так, остаток значит, мелочевка, 777 граммов, цифра чудная какая-то. Ну, открой сейф, как положено, давай я посмотрю, чтоб по всем правилам.

Удостоверившись, Юра командует: «Стефаныч, обед в баню. Пойди, в моей сумке две бутылки коньяка, а я пошел, пару ковшей пока брошу, а то знаю я вас, морозильник вместо парной делаете. Там и посоветуемся, что да как».

Они долго парятся, потом сидят в простынях, обедают, пьют «КВВК».

— Нет, ты посмотри, какой паскудник, — горячится Юра.

— Кто, Стороженко-то?

— Да причем здесь Стороженко! Он для меня вошь, микроб, тля. Вывезу сегодня в Бодайбо, и больше мы о нем и не вспомним никогда. Нет, я про Ваську Невского... Это он мне этого паскудника присоветовал. Вот что значит конкуренция: сколько ведь лет друг друга знаем, океан водки вместе выпили, а все равно соседу подлянку норовит сделать...

— Это ладно, — осторожно говорит Стефаныч, — вы, Юрий Михайлович, Стороженко сейчас не трогайте, не надо. Пусть либо спирт кончится, либо патроны...

— Че-то я тебя не узнаю, Пал Стефаныч... Да ты че, ты себе представляешь, чтобы я это ничтожество ждал... Че говоришь-то?

— Да как, Юрий Михайлович? Ведь палит, убьет же!

— Меня убьет?! Ну ты даешь... Вот, сейчас допьем, увидишь, как такие дела делаются... Ишь ты, меня он убьет! Ну ты, Стефаныч, как скажешь, так скажешь...

— Да ведь пуля-то дура...

— Штык молодец, — безмятежно смеется Юра, — ну, давай, разливай по последней да пойдем этому защитнику крепости последнюю каплю крови пускать...

Они подходят к коттеджу, стоящему немного на отшибе. Юра его прекрасно знает, прожил в нем несколько лет. Он решительно направляется к крыльцу. Лицо его становится каменным, напряженным. Конечно, несмотря на характер, ему не по себе. Но не настолько, чтобы отказаться от своего решения.

Он заходит в сени, мгновение стоит перед дверью, потом рывком открывает ее, проходит в прихожую. Слева крошечная кухня, прямо — вход в большую комнату, справа спальня. Стороженко затаился за письменным столом, которым он перегородил вход в большую комнату. Он первый подает голос: «Юрий Михайлович, уйди. Уйди по-хорошему, а то убью...»

— Ах ты щенок! — Говоря это, Юра делает шаг в сторону баррикады, — брось карабин, салага, тебе же лучше будет...

Мы видим глаза Стороженко. Это глаза — бегающие, горящие — безумного человека. И руки — они непрерывно оглаживают карабин, как перед смертью, в агонии, умирающий, «обирает» себя.

— Уйди, Юрий Михайлович...

Юра уже почти подошел к столу. Звучит выстрел...

Х Х Х

Звучит выстрел на узкой улочке афганского кишлака, одиночный, и сразу за ним начинается шквальный огонь автоматных очередей.

Мы видим Сашу Степанова, в камуфляжной форме без знаков различия, с «Калашниковым» в руках. Он командует группой спецназовцев, окружившей глинобитный дом, из которого несется ответный огонь. Так продолжается какое-то время, пока со Степанова пуля не сбивает панаму.

— Стоп! — Командует он. — Это все не конструктивно...

— Что, товарищ кавторанг, — спрашивает его лежащий рядом сержант, — не понял, что не...

— Ну сейчас мы с тобой ликбезом по русскому займемся... Короче, давай так: я, ты, еще двоих посмышленей, пошустрей, всем гранаты до упора, и выбираешься на оптимальные точки...

— Какие точки? — Опять переспрашивает сержант.

— Тьфу ты! — Начинает злиться Степа. — Ты откуда, из каких степей такой взялся?

— Из забайкальских...

— Земляк, — мгновенно остывает Саша, — ну, давайте, подбираемся с четырех сторон, как можно ближе, и забрасываем их гранатами. Иначе ничего не выйдет. Задача ясна?

— Ясна, товарищ кавторанг...

— Да, вот еще что: про Александра Матросова забудьте. Подобрался как можно ближе, но это не значит, что под очередь подлез...

Они расходятся, ползут с четырех сторон к домику. После того, как Сашина группа перестала стрелять, в домике тоже затихли. Через несколько минут эту тишину

разрывают взрывы, не меньше десятка. Потом снова все затихает. Наконец, Степа вскакивает и орет: «Вперед! Штурм!»

Поливая из автоматов, они врываются в домик. Человек пятнадцать афганцев, находящихся в нем, убиты, трое раненых. Саня, оглядевшись, мягким прыжком, сходу, бросается к одному из них, лежащему на боку. Он переворачивает его на спину, кладет пальцы на шею, щупает артерию.

— Слава Богу, жив. Мы же, братцы, только из-за него здесь...

— А кто это? — интересуется боец.

— Инженер Максуд. По нашему, считай, бригадный генерал. Мы с ним полгода в кошки-мышки, в прятки играем: то он меня зажмет где-нибудь, то я... Но видишь, сегодня мой фарт...

— Ваш! — Соглашается боец. — Вывозить будем, да? Вертушку вызывать?

— Вызвать всегда успеем. Допросить сначала хочу. Сержант, вколи ему промедрол, пусть очухается...

Сержант делает уколы, потом говорит Сане: «Товарищ кавторанг, надолго его не хватит...»

— Ну, на полчаса хватит?

— Да, на полчаса, пожалуй...

— Вот и хорошо. Я тебе больше скажу, сержант: это замечательно, что на полчаса. Больше-то и не нужно ему жить...

— А как в штабе докладывать?

— Вот что, сержант. Занимайтесь-ка вы своим делом, приводите пленного в чувство. А о докладах я как-нибудь сам позабочусь... — жестко говорит Саша.

— Есть, товарищ кавторанг.

Степа обыскивает афганца, находит географические карты, страшно радуется этому. На лице его какое-то вдохновение, что ли. Видно, что это минуты счастья Степы. Афганец постепенно приходит в себя. В этот момент в углу домика мелькает фотографическая вспышка, один спецназовец автоматически вскидывает «Калашников», но Степа успевает снизу ударить по стволу, и очередь уходит в потолок.

— Отставить! Че такой нервный, а? Сейчас разберемся, уж потом...

Они подходят к сжавшемуся в комок человеку, ничем не отличающемуся в одежде от афганцев, но явно европейцу: веснушчатому блондину в чалме. Блондин судорожно держит «Никон» на вытянутых руках.

— Я есть журналист... «Нью-Йорк таймс», оф Америка...

— Журналист! — Веселится Степа. — А ты, боец, чуть его не угробил...

— Так мы его, что, в живых оставим, что ли?

— Да, темный ты, брат. Журналистов стрелять нельзя...

— Так он же не наш...

— А, какая разница. Все они одинаковы, любопытное племя... Вот видишь, руки ходуном ходят, боится до смерти, правильно боится, а все равно нас щелкнул... Дай-ка сюда аппарат...

Степа берет «Никон», засвечивает пленку.

— Ладно, погоди маленько, сейчас с бригадным разберемся, потом выпьем за знакомство...

Афганец уже полностью пришел в себя. Степа начинает допрашивать его на фарси, записывая все на диктофон. Генерал отвечает с трудом, с хрипом, с кашлем, с пузырями у рта. Наконец Степа выключает диктофон, говорит сержанту: «Посмотри его, сколько еще...» Сержант щупает пульс, осматривает Максуда, говорит: «Да скоро кончится... Во всяком случае, потеря крови уже большая...»

— Ага, — удовлетворен ответом Степа, — ну, давайте, по маленькой, за благополучный исход нашего безнадежного дела...

Они зовут американца, достают фляжки со спиртным, складывающиеся стаканчики садясь в кружок, выпивают. Вокруг трупы и инженер Максуд в конвульсиях. Они ничего этого не замечают: привыкли.

Вся группа садится в приземлившийся неподалеку вертолет, с собой они забрали труп Максуда. Когда взлетели, Саша, наклонившись к уху сержанта, спрашивает: «Сержант Максимов, вы почему во время проведения разведоперации меня матом крыли?

— Когда?! Когда, товарищ кавторанг?!

— Ты думаешь, я не слышал... Думаешь, бой все спишет, да?

— Да не вас я, товарищ кавторанг, — угрюмо оправдывается Максимов, — духов покрыл немного...

— Ладно, духов. Наказать бы вас надо, товарищ сержант, да настроение неподходящее. И все равно, доложите командиру взвода, что я объявил вам замечание.

— Есть, — бурчит сержант.

— А вечером бери бойцов, — он обводит взглядом всех сидящих в вертолете, — и ко мне. Сабантуй, однако, устроим.

Х Х Х

Андрей Колесников и Саша Степанов сидят 9 мая на лавочке в парке Горького. Саша в форме, капитан первого ранга, на груди два ордена Красной Звезды. Вокруг обычные для этого праздника толпы ветеранов и другого народа. Но ветераны все же выделяются. На Сашу народ косится: мужик он моложавый, а тут еще такая форма, звание, ордена...

— Как у тебя по службе-то? — спрашивает Колесо. — Не привык в кабинете сидеть...

— В кабинете хорошо, — сыто потягивается Степа, — только вот вестовых нет... Ну так их уже и в войсках не было, а ничего, выжил...

— Выжил, — смеется Колесо, — да ты на рожу-то свою посмотри, скоро треснешь от обжорства...

— А, ничего, — отмахивается Степа, — вот перестану после шести вечера принимать пищу, вернусь в спортзал — все вмиг восстановлю. А по службе... Да че по службе: сижу, слежу за новинками в военно-морских флотах разных государств,

вылавливаю, обобщаю... Ну, и так далее, если тебя это интересует.

— И че, так теперь и будешь всю жизнь за новинками следить?

— Ну, вас Петровых не поймешь. То ты говорил, что я похож на оголтелого наемника, теперь вот тихая служба — тоже вроде осуждаешь...

— Да нет, Сань, не осуждаю, — смутился Колесников, — просто я же тебя как облупленного знаю — затишье-то ведь перед бурей?

— Нет, на этот раз ошибся, — довольно улыбается Степа, — хватит, повоевал. И в эту заварушку не полезу. Ладно, скажу уж: в Болгарию меня посылают через три месяца, по линии «Росвооружения». Класс, да?! В Варну...

— Ну, — восхищенно тянет Колесо, — лучше-то не придумать...

— Вот и я говорю... Тут только одно меня не устраивает — жениться заставляют. Что за черт, ведь уж давно вроде кончились совдеповские штучки, ан нет... Я же не нелегалом еду, экспертом...

— Тоже мне, проблема...

— Ну, это тебе не проблема. А у меня такого специфического опыта нет, потому и проблема.

— Ничего, помогу, натаскаю...

— Без сопливых обойдемся, — смеется Степа, — ты лучше со своей личной жизнью разберись... Хотя, тебе-то что, у тебя Машка есть, грандиозная девка. Была б у меня такая дочь, ни о чем бы не думал, не жалел... Ладно, я о другом... Давно хотел тебя спросить, Юрка, как, сразу умер? Ты ведь Стефаныча видел, что, ничего он перед смертью не сказал, не успел?

— Умер почти сразу. Успели вынести, толпа ворвалась, этого мужика чуть не забили. А Юрка... В общем, последняя фраза, как мне Стефаныч рассказал, была: «Блядь, в сердце попал».

— Да, это, конечно, Ронжик. Его текст. А жена...

— Настя потом за три месяца сгорела. Да и то, мужики говорят, часа два поспит, а ей всякая шваль за это время уже водку притаранят...

— Ну я-то ее не особенно жалею...

— Брось, Степа. Она, конечно, виновата, но тут уж так жизнь сложилась...

— Ну, жизнь так жизнь, спорить не буду. Ладно, давай двигаться, мне еще в штатское надо переодеться, а наши, уже, наверное, в «Узбекистане» плов заказывают...

— Опять «Узбекистан». Да вы че, мазохисты, что ли? Как 9 мая, так драка в конце вечера...

— Ну, а ты бы как хотел, — деловито говорит Саша, — чтобы мои в кои веков в стаю собрались и чтоб в сухом остатке драки не было? Афганский синдром, слышал?

— Не синдром, а чистой воды хулиганство... Может, рванем куда-нибудь в другое место?

— Не могу, Андрюха. У них это ведь часть праздника, все равно без адреналина в сердце не обойдется. Эх, не был ты в настоящем бою, не поймешь. Хотя, слава Богу... Не, ну ты как хочешь, а мне-то там надо быть, а то ведь еще прибьют

кого-нибудь. Так что смотри...

— Это ты смотри. Не видишь, что ли, что я, идиот, с тобой уже полдороги проехал? Не возвращаться же обратно...

Х Х Х

Андрей Колесников сидит в редакции, что-то набирает на компьютере. Сзади подходит молодой мужчина, его особая примета — все лицо в шрамах, следы недавней автокатастрофы.

— Ну, много еще?

— Да нет, уже к концу дело...

— Давай, Андрей, выручай. Если через час не успеешь, все, кранты, придется всякую фигню ставить. Чего бы очень не хотелось.

— Нашли молодого, в номер писать. Я, между прочим, международный аналитик, серьезный человек в вашем несерьезном издании...

— В том-то и дело, что молодого найти не трудно. Но разве «Нимфа», туда ее в качель, кисть даст?

— Не даст, — Колесо явно польщен грубой лестью.

Звонит его мобильный телефон. Он, не отрываясь от печатания, глядя на монитор, отвечает на звонок. Это Саша Степанов.

— Куда, говоришь, едешь? Подожди, какая кавказская республика, Чечня, что ли? Да мне плевать, пусть слушают. Ты же в другую страну собирался.... На неделю как эксперта? Ну, ладно, Сань, когда летишь-то? Уже в самолете? Ну ты и мудила с Нижнего Тагила, могли бы встретиться, проводил бы, пивка бы попили... А, ну это идея. Конечно, прилетишь, и сразу в Бодайбо. Отпуск? Мне-то? Да кто меня не отпустит, нет такого редактора, не родился еще. Так что скоро сходим на могилки, всех проведем. Ты давай там поосторожней свою экспертизу проводи... Не понимаю, флот ведь в чеченских событиях не участвует, что ты там делать будешь? Шутка...

Х Х Х

В маленькой заплеванной, прокуренной комнате Степа допрашивает привязанного к стулу средних лет чеченца.

— Иса, ну ты же умный мужик, я вот за эти три дня уважать тебя начал... Ну на хрен тебе этот Идигов сдался? Он ведь даже не из твоего тейпа. И ведь мы тебя только об одном просим, только маршрут, и все... Ни даты, ни численность отряда, ничего...

— Что не знаете, о том и просите, это понятно... Александр, не скажу. Ну неужели еще не ясно — не скажу... Не скажу, потому что не знаю...

— Скажешь, — грохает кулаком по столу Степа, — знаешь...

— Зря грозишь, начальник. Чеченца криком не испугаешь. Чеченца вообще ничем не испугаешь...

— Ну, это мы поглядим. Вот завтра проведем одно мероприятие и поглядим, — успокаивается Степа.

— Поглядим, — спокойно отвечает боевик.

Они бегут, прикованные наручниками друг к другу, к вертолету. Тот, уже с раскрученными лопастями, ждет их на отшибе аэродрома. Сзади них бежит прапорщик с автоматом. Степа на ходу спрашивает Ису: «Ты кем до войны, при большевиках, был?»

— В райкоме комсомола работал.

— Ну вот. А говоришь, что не бандит...

В вертолете, через какое-то время, Саша говорит Исе: «Ну, в последний раз спрашиваю: как они пойдут на Бамут? Пойми, Иса, я не шучу, у меня другого выхода просто нет...

— Сбросишь, что ли?

— Сброшу, Вот до зеленки долетим, и сброшу.

— У, шакал, — щерит зубы Иса, — сбрасывай. Ничего не скажу, ничего не знаю...

— Коля, — говорит Степа прапорщику, — начинай...

Тот открывает бортовую дверцу, ветер врывается в кабину. Он подталкивает закованного в наручники Ису к проему, ставит его спиной к кабине, в это время к ним подходит Степа, они с прапорщиком хватают Ису за ноги, одновременно вытолкнув туловище из вертолета. Держат его, потом затаскивают. Бедняга не в себе, глаза мутные, он что-то шепчет, скорее всего, молится своему Богу. Он обмочился: мокрое пятно расплылось на светлых брюках.

— Ну что, Иса, скажешь теперь? Второй раз уж держать не будем, отпустим в свободный полет...

— Гад ты, — хрипло говорит Иса, он немного пришел в себя, увидел пятно, — что ты со мной сделал, гад. Мне теперь все равно не жить, что я тебе теперь скажу... Чеченцу после этого жить нельзя...

— Ну ты слезу-то из меня не вышибай, — бешено орет в ответ Степа, — вы нам головы будете отрезать, а мы с вами цацкаться...

В этот момент Иса бросается к еще открытой двери. Степа и прапорщик ловят его в самый последний момент, уже почти в воздухе, отбрасывают в угол.

— Ну, ты не самовольничай. Мне решать: жить тебе или... В общем, как это мероприятие должно закончиться.

Но Иса, похоже, уже и не слышит, и не понимает его. Он в ступоре, в шоке, комком лежит, мешком. Из носовой кабины появляется летчик, спрашивает: «Еще покружить, товарищ капитан первого ранга?»

— Давай домой, — устало, как-то безнадежно машет рукой Степа.

Х Х Х

Полянка в той самой зеленке, о которой говорил Степа. На ней небольшая группа чеченских боевиков, среди них русский парнишка, в оборванном камуфляже, в руках у него «Стингер». Он подавлен, но как-то держится, ему хочется понравиться чеченцам, он улыбается. Они тоже веселы, улыбки. Старший говорит ему: «Ну вот, Степанов, это твой шанс, о котором я утром говорил. Собьешь вертушку, простим все, позволим тебе принять ислам, станешь воином аллаха. Не собьешь

— уж не обижайся...»

И он также весело подмигивает стоящему позади солдатику молодому чеченцу, в руках у того большой тесак. Это действительно дело жизни и смерти для восемнадцатилетнего пленного солдата Степанова. Возникает шум вертолета, он нарастает, наконец, низко, почти на бреющем, появляется сам вертолет.

— Давай! — Командует старший чеченец.

Степанов поднимает «Стингер», целится. В это время камера крупным планом показывает «Стингер». Виден его регистрационный номер, выбитый сбоку — 777. Вертолет уже почти пролетел поляну.

— Стреляй, — кричит старший, — стреляй, Степанов!

Солдат, целясь, медленно поворачивается вслед удаляющемуся вертолету, зажмуривается, стреляет...

Х Х Х

На мгновение прервавшись, продолжается рокот вертолета. Это уже гражданский Ми-10 «К» вертолет-монтажник, с его помощью удлиняют разные высотные конструкции. Для этого к брюху Ми-10 прикреплена прозрачная кабина из плексигласа. Во время работы в ней сидит летчик-координатор, у него полный обзор, он сообщает все детали операции пилоту в обычной кабине. Вертолет летит над летним Подмосковьем, разноцветным, безумно красивым. Солнце, уже перед закатом, слепит последними лучами. В прозрачной кабине Андрей Колесников, возвращается из командировки. Он курит толстую сигару, пьет виски, слушает музыку, у него плеер, наушники, он дирижирует сигарой, подпевает... Словом, банальный набор... в нестандартной обстановке. Постепенно возникает веселая музыка.

Х Х Х

Андрей сидит за письменным столом в своей квартире, перед ним лежит мобильный телефон. Взгляд пуст, бессмысленен: ему только что сообщили о гибели Саши Степанова, но понять это он еще не в состоянии. Звонит звонок, Андрей открывает входную дверь. Перед ним стоит среднего роста, как говорят, крепко сбитая, румяная, симпатичная молодая женщина, ей года 33-35. Через плечо — большая спортивная сумка.

— Здравствуйте. Я Вера Крылова. Это я вам сейчас звонила.

— Заходите, Вера.

Она проходит, оглядывается. Потом достает из сумки урну с прахом Степы, ставит ее на письменный стол, говорит: «Я дружила с Саней. Хотя мы работаем в разных конторах...»

— Работали... — машинально поправляет Андрей.

— Да... Работали...

Слезы появляются на ее глазах. Тут что-то сдвигается в душе Андрея. Он глядит на урну, трогает ее и до него, наконец, доходит, что произошло. Он тоже заплакал. Потом, видимо, устыдившись слез при чужом человеке, он садится, кладет руки на

стол, ложится на них лицом... точь-в-точь как Коля Хен перед самоубийством. Вера подходит к нему, слезы текут по ее щекам, она гладит его по голове, говорит: «Ну что ты, Андрюша... Ну что ты... Ты же сильный, ты же мужик, ты переживаешь, ты поплачь, поплачь... легче тебе станет...»

— Вера, пожалуйста, идите домой, — не поднимая лица, говорит Колесо.

— Да что ж я, нехристь, что ли... Ты что, мой хороший, что ты, Андрюшенька, я же баба, я ж русская, как же я сейчас брошу тебя...

Так они долго сидят: он лежит головой на столе, она над ним, что-то говорит все время, шепчет, гладит, целует, плачет...

Колесо, конечно, берет себя в руки. Вера, тем не менее, все еще обнимает его, не отпуская. Он, правда, и не пытается освободиться, сидит молча, зажато. И она вдруг, среди своих этих совершенно бабских утешений, говорит: «А хочешь, мы сейчас с тобой это...»

Тут уже и Андрей немного ожил — натура, характер, на мгновение, на какое-то время, преодолели горе, селевым, мощным, неожиданным, и потому особенно тяжелым, потоком, затопившим его. Он смотрит на нее и спрашивает: «Это? А, ну, ты, «Про это...» Господи, бедный Маяковский...

— Ну а что... Это в таких случаях помогает, поверь мне, я знаю...

— Слушай, а ты вообще-то кто такая?

— Я? Переговорщица.

— Это я заметил. Может объяснишь, не выдавая ваших тайн?

— Ну что... Работаю психологом в антитеррористической группе... Приходится действовать в основном во внештатных ситуациях.

— Значит, не тебя, а ты уговариваешь?

— Ну... Вроде того...

Тут до нее доходит особый смысл, который Колесо вложил в эту фразу. Вера обижается, но делает это как-то по-детски: «Если нужно, если людей спасаешь, что угодно можно сделать...»

— Значит, это твой метод борьбы с преступниками? — Андрея несет. И тут Вера становится другой: жестковатой, собранной. Она принимает вызов: «Да. И не только этот метод, и не только с преступниками ... В общем, я профи, специалистка. А там думай что хочешь...»

Колесо встает, отходит от Веры, поправляет выбившуюся рубашку, вообще, приводит себя в порядок. Потом глухо, осевшим голосом, говорит ей: «Ты меня, Вера, специалистка, прости. В голове сейчас мартеновская печь, вот на тебя кусок лавы и попал...»

— Ну, — оценивающе смотри на Колесо Крылова, — другой разговор. Кофе пить будем?

— И только кофе. Все остальное мне сейчас противопоказано...

— Я же говорю — мужик... Но не орел...

— Ну, дай опять-таки время...

— Дам, — смеется Вера, — все дам...

Они идут на кухню, Колесо пытается сварить кофе, но руки дрожат, ничего не

получается. Вера берет турку, варит еще раз, ловко разливает по чашкам. Они сидят, пьют этот кофе, в соседней комнате, на письменном столе, урна с прахом Степы.

— Слушай, а Саша про тебя никогда ничего не говорил...

— Ты-то чего удивляешься... Знаешь же, какая служба...

— Да нет, я так... Ну, в романтическом плане...

— Не было никакого романтического плана. И, по-моему, даже не намечался никогда...

— Вер, а ты, наверное, в сугубо мужском коллективе работаешь? — Меняет тему Андрей.

— Ну, здесь какой секрет? Это, как говорится и ежику ясно...

— Да я не про секреты... Мужики-то ведь матерятся, поди?

— Матерятся, — соглашается Вера, — тебя интересует, как я эту проблему решила? Очень просто: за каждый мат человек приносит мне плитку черного пористого шоколада. И только тебе откроюсь: я его давно уже не люблю, переела. В ящик складываю, потом раздаю кому попало. А в группе меня так и зовут: «Черный пористый шоколад».

X X X

Андрей Колесников сидит в роскошном кабинете своего главного редактора — того самого, у которого все лицо в шрамах. Редактор говорит ему: «Да нет проблем, выдадим сумму, поезжай, отвлекись, позагорай где-нибудь на Тайване. Или в Таиланде, черт их разберет... Только вот послушай меня: поехать, конечно, надо, но не на отдых, а поработать где-нибудь... Ну, чтоб башка чем-то другим была занята».

— Слушай, Серега, ты хоть на минуту можешь перестать быть редактором...

— На минуту много, — смеется Сергей, — но я серьезно. И не как главный, а как друг...

— Чувствую, есть предложение...

— И совсем даже неплохое предложение. В немаленькую газету, «Нью-Йорк таймс» называется, на двухнедельную стажировку...

— А че?! — Соглашается Колесо. — Пожалуй, ты прав — неплохое предложение...

— Ну, иди, оформляйся...

X X X

Андрей Колесников сидит в офисе шеф редактора «Нью-Йорк таймса». Они говорят на английском, вернее, говорит в основном редактор, а Андрей поддакивает или мотает головой: «Ноу, нет, Москва теперь очень дорогой город». Все это на ломаном англиш. Обстановка в офисе, кстати, гораздо более спартанская, чем у главного в Москве.

— Ну, хорошо, Андрей, — заключает шеф, — рад, что будете у нас стажироваться, рад знакомству. Хотя, на самом деле, это не стажировка, а обмен: к вам поехал наш журналист. А сейчас познакомься с сотрудником, который будет помогать тебе эти две недели в Нью-Йорке...

Он нажимает кнопку на пульте, говорит что-то, затем в дверях появляется человек, проходит, садится напротив Андрея. Мы легко в нем узнаем того бедолагу журналиста, чуть не погибшего во время разведоперации Степанова в Афгане. Он почти не изменился, времени ведь прошло совсем немного.

— Винсент, — представляется он, — Винсент Морган. Думаю, что к вечеру ты сможешь называть меня Винсом.

— Да я и сразу могу.

— Отлично. Тогда что мы здесь делаем?

Вечером они идут по раскаленной за день нью-йоркской улице, прикидывают, где сесть и хорошо поужинать. Разговор вполне приятельский: журналисты, даже разных взглядов — а в данном случае это не так — вообще легко сходятся друг с другом.

— Слушай, Винс, — говорит Андрей, — вспомнил я, чего хотел. А хотел вот что: на Брайтоне есть ресторан, «Самовар» называется...

— Ну, кто у Романа не был, тот не совсем полноценный нью-йоркский журналист. Как я сам-то сразу не догадался. Едем, конечно...

В ресторане все, как обычно: сели, заказали, немного выпили, поели... Здесь говорит больше Винс, он человек очень общительный, и, судя по всему, хороший мужик, но дело не только в этом... Короче говоря, пообщавшись несколько часов с Колесом, его подавленность заметил бы даже не такой многоопытный и мудрый человек, как Морган... В конце концов, Винс решился: «Андрей, ты меня прости, я наверняка сейчас сморожу глупость, но все же: откуда такая страшная печаль? Ты меня прости, но глаза все говорят... что за тоска вселенская?..

— Да, Винс, да. Есть причина...

Колесо сидит молча, каменно, потом говорит: «А... Слушай, я тебе сейчас все расскажу, только пообещай мне — мы сегодня нажремся!»

— Ну это не проблема. Лично я с удовольствием...

Они выпивают подряд несколько рюмок водки, закусывают, и Андрей начинает рассказывать: «Понимаешь, Винс, друг у меня недавно погиб в Чечне. Трое их было у меня, друзей, и все погибли. Сашка совсем недавно, в Чечне, в вертолете... Он грушник был, мы с детства дружили, на одном приiske, в одном роддоме, в одном месяце родились... И вот его нет, а я водку трескаю...»

— Спецназ?

— Ну, вроде того. Хотя, конечно, посложнее. Сейчас я тебе его покажу...

Он лезет в карман пиджака за бумажником, рассуждая при этом: «Наверное, правильно, что мы с тобой об этом заговорили. Я с тех пор еще ни разу не напивался, боюсь себя. И вдруг сейчас подумал: а чего собственно боюсь? Что мне терять? Мне терять теперь нечего. Так что, слава Богу, сегодня все будет по полной программе, вот только за тебя страшно...»

- Не бойся, — улыбается Винс и берет протянутую ему фотографию. Лицо его бледнеет, он смотрит, не отрываясь, потом кладет фотографию на стол и молча смотрит на Андрея.

— Ну, что... — немного теряется под его взглядом Андрей.

— Пожалуй, теперь и у меня есть повод нажраться, как ты говоришь, по полной программе...

X X X

Они опять на Баррикадной, в том же кафе, в основании высотки: Андрей, дочь Маша, молодая, уверенная в себе, красивая женщина, и ее сын Ваня, мальчик 7-8 лет.

— Господи, когда же мы с тобой последний раз здесь были?

— Ты хочешь сказать, когда ты в последний раз видела белых медведей?

— Ну да, — смеется дочь. Внук не обращает на их разговор внимания, пьет сок.

— Когда прилетел?

— Вчера вечером. Вот, — подает ей довольно объемную сумку, — подарки дяди Сэма для всей вашей семьи...

Тут Иван встrepенулcя, внимательно поглядел на деда: «А просьбу мою выполнил?»

— Куда же я денусь... Лоб разбил, пока этот конструктор нашел, пол-Нью-Йорка с Винсом объехали...

— Кто это — Винс? — Интересуется Маша.

— Винс? Хороший человек, американский...

— Американский — друг? — Осторожно уточняет Маша.

— Эх, дочка... Что за чушь ты городишь...

— Да почему чушь? Ты же только полжизни прожил, что ж, теперь, и друзей завести уже нельзя.

— Не нельзя — невозможно. Ладно, оставим это. Лучше расскажи, как у тебя дела...

— Как сажа бела... Растрачиваю свою молодую жизнь черте на что.

— Как это — черте на что? Что ты имеешь в виду?

— Ну, бизнес, например, чертов...

— Так брось его...

— Ну да. Брось. И вы с Ванькой окажетесь голодранцами. Брось свой крест, ты хотел сказать...

— Тебя, милая, не поймешь...

— А женщину и не надо понимать. С ней соглашаться надо...

— А делать все по-своему. Это мы проходили... Я вот только не пойму, почему голодранцами? Я что, безработный что ли?

— Нет, конечно. Но блеска в глазах уже нет. Нет блеска в глазах. А сейчас время такое, что без этого блеска много не заработаешь...

— Это верно. — Вздыхает Андрей. — Тоска. В редакции молодежь, пишут коряво, думают еще хуже, зато разговоры: трансферт, хеджирование рисков... Тыфу ты...

— Ну вот. Брюзжишь. На покой пора, с Ванькой сидеть. И мне спокойнее.

— Да ты с ума сошла, мне же еще пятидесяти нет...

— Ну, лукавишь. Через полтора месяца будет, это не срок. Да и не в этом дело, если честно. Просто говорить не хочется...

— Так не говори. Сам скажу. Тоска. Представляешь, я теперь спать побольше стал — ребята снятся... Ты права, старость рядом, вот она, рукой дотянуться можно...
— Ты так говоришь, как будто на свете больше никого не осталось! А мы?
— Ну, если бы не вы, вообще говорить не о чем было бы...

Х Х Х

Андрей подходит к своему подъезду. На скамеечке, перед дверью, сидит Вера Крылова. Андрей очень обрадован.

— «Черный пористый шоколад»! Куда ж ты подевался? Как-то скучно без тебя...
— А чего скучать? Вот она я. Это тебя не было, все Манхэттен изучал...
— Больше не буду, больше не хочу...

Они заходят в лифт, Андрей спохватывается: «Коньяк есть, а закусить нечем... Три сосиски в холодильнике. Ты заходи, а я вернусь, в «Гастроном»...

— Успеется. Потом вместе сбегаем. А сейчас... — Вера открывает свою сумочку — она до отказа набита этим самым шоколадом.

— Нервная работа у ребят, — замечает Колесо.

— Да, — вздыхает Вера, — нервная... И никакой личной жизни, главное...

— Ну так давай начнем устранять эту несправедливость...

— Давай, — радостно соглашается Вера.

Они сидят в комнате, Андрей сдвинул все на письменном столе, стоит коньяк, шоколад... Откровенно рада Вера, как-то помягчел Колесо. Он говорит ей:

«Слушай, а как форма, идет тебе? Вот бы посмотреть...»

— Джас момент... — таинственно откликается Вера и уходит в ванну.

Возвращается оттуда в трусиках и лифчике защитного цвета, на груди — жетон, фигура у нее замечательная, и ошеломленный Андрей только и произносит: «Да... сильна... вэри вэлл, ничего не скажешь...»

Звонит телефон. Андрей морщится, но Вера говорит ему: «Возьми. Вдруг дочка...»

Андрей берет трубку, слышит голос главного редактора Сергея: «Привет, хозяин».

— Это кто? — Машинально спрашивает уже хорошо принявший — на голодный желудок — Колесо.

— Это, между прочим, твой друг, — обижается Сергей, — и по совместительству главный редактор. Узнаю о том, что ты приехал, самым последним, как... сам знаешь кто...

— Да ладно...

— Нормально съездил?

— Нормально...

— Ты сегодня удивительно многословный. Ладно, не хочешь говорить, не надо. Давай тогда по делу: тот материал, о котором договаривались, «Беседы на Уолл-стрите», готов?

— Готов.

— Замечательно. Ну, если не хочешь приехать, пришли сейчас по имейлу...

— Нет.

— Как — нет? Если готов...

— Ладно, Серега. Ты меня прости, я сейчас ничего передавать не буду.

— Не понял, — начинает напрягаться Сергей, — может быть, ты уходишь от нас?
— Ухожу.

Небольшая пауза. Сергей хриплым от злости голосом спрашивает: «И куда, если не секрет?»

— Не секрет... — Колесо молчит, лицо его меняется, бледнеет. Он сжимает трубку. Затем, как-то непривычно вздыхает, опять размягчается — это вновь тот же Андрей, только что принявший изрядную дозу коньяка, всю жизнь ерничающий, хохмящий, прикалывающийся. Хотя сейчас ему сильно не по себе. Но он опять взял себя в руки. Последнее время ему это делать приходится довольно часто. — Не секрет. В запой я ухожу, Серега. Минимум на два дня. Так что, не жди, меня, мама, хорошего сына...

— Не, ну ты, блядь, даешь. Я хоть и молодой еще, а сердце все равно иногда начинает торопиться... На фига такие шутки...

— Ладно, прости.

— Бог простит. Значит, через два дня заметку жду, дальше не забегай — у меня сердце, у тебя печень... Ты там один, может, подъехать вечером?

— Не, Серега, не один. Так что, не беспокойся, трудогольничай дальше, не отвлекайся по пустякам...

— Хорошо, не буду. Андрюха, ты вот что... Ты сейчас не уходи никуда...

— Я и не собираюсь...

— Ага, не уходи. Сейчас будет один телефонный звонок, ну, такой, сюрприз, в общем. Ты аппарат на громкую связь переведи... Ну ладно, береги себя.

— Ты тоже...

Андрей кладет трубку, переключает телефон на громкую. Смотрит на Веру: она жутко напряжена, что-то явно поняла, чего не понял Сергей, глаза выдают ее. Андрей качает головой. Потом молча наливает себе и ей. Они чокаются, пьют, закусывают шоколадом. Вера морщится, а Колесо доволен. Она говорит: «Давай еще по одной, и я в магазин схожу. Переоценила свои возможности: я его уже не только есть, я им закусывать не могу...»

— Подожди немного, потом вместе сходим. Мне сейчас позвонить должны...

И тут же телефон откликается на его слова. Андрей берет трубку, молодой женский голос спрашивает: «Это Андрей Колесников?»

— Точно. Он.

— Вас беспокоит радиостанция «Серебряный дождь», ведущая Вера Сергеева. Давно вы в запое?

Андрей смотрит на часы: «Два часа тридцать две минуты...»

— Ну, наверное, достаточно для репортажа?

— Вполне.

— Тогда, Андрей, засекайте время: через две минуты выпускаем вас в прямой эфир. Колесо опять смотрит на часы и кивает Вере: наливай, мол. Вера исполняет это его желание, он, зажав трубку, кивает на огромный музыкальный центр: «Вон там, ФМ, найди «Серебряный дождь...»

Вера находит радиостанцию, они успевают выпить, кончается музыкальная фраза,

и голос ведущей Веры Сергеевой говорит: «А сейчас , дорогие радиослушатели, известный столичный журналист Андрей Колесников, находящийся в данный момент в глубоком запое, делится с нами своими ощущениями. Андрей, расскажите, что же вы сейчас чувствуете такого особенного?»

— Да я, собственно, не с рассказом, — говорит в трубку Андрей и слышит себя из динамиков центра, — я с сообщением. Так вот, дорогие радиослушатели, всем вам известно, что водку выдумал Господь Бог. И не мне, Колесникову, ее отменять. И больше сообщить ничего и не могу, и не хочу. Но мы, с моим верным другом и тезкой ведущей, Верой, очень хотели бы показать вам нашу новую песню... Как, Вера?»

— Конечно, — откликается ведущая, — какой же запой без песни?!

— Тогда слушайте, — говорит Колесо, и неожиданным басом запекает: «Ленин — это весны цветенье...»

Он замолкает и кивает Вере: продолжай. Та стоит, вцепившись в столешницу — не знает, что делать. Но хватило доли секунду, чтобы она собралась, включилась в игру. И Вера протяжным, восточным голосом подпевает: «Ленин... О-о-о, мама джан...»

Колесо восхищенно поднимает вверх большой палец и продолжает: «Ленин — это победы клич». Вера запекает.

— Наш дорогой Ильич, — выдыхает Колесо.

— О-о-о, мама джан...

— Это был прямой репортаж из запоя известного столичного журналиста Андрея Колесникова и его верного друга Веры. Надеюсь, Андрей, вы не последний раз в нашем эфире...

— Как знать, как знать, — отвечает ей Колесо.

X X X

Дочь Маша едет в «Пежо» и слушает этот оригинальный репортаж. Потом решительно перестраивается, припарковывается, набирает номер отца. Андрей берет трубку, нажимает кнопку — выключает громкую связь.

— Да, дочка, приятно слышать, что тебе приятно.

— А девушка-то откуда?

— Много будешь знать — скоро состаришься...

— Ну, с тобой хоть сколько будешь знать, все равно скоро состаришься...

— Так, — начинает злиться отец, — ты что еще хочешь сообщить?

— Именно — сообщить, а, вернее, напомнить — безопасный секс в нижнем ящике стола справа...

— Ну, знаешь! — непритворно возмущается Колесо.

— Поняла. Конец связи.

Маша выключает телефон, бросает его на сиденье. Какое-то время она сидит, улыбается. Потом, тряхнув волосами, говорит: «Ну, змей!» Заводит машину и уезжает.

X X X

Колесо кладет трубку и говорит: «Вот змея малолетняя».

— Заботливая, — откликается Вера.

— А ты откуда знаешь, — подозрительно смотрит на нее Колесо.

— Так я же тебе говорила, — я — специалистка...

Солнце уже почти зашло, наступает время между последними лучами, светом, и сумерками. Они сидят на полу, обнявшись, перед ними огромная, как блюдо, тарелка с вареными сосисками, яйцами, картошкой... всякой снедью, коньяк, минералка, сигареты... все на полу. Гарик Сукачев поет: «Прощай, мой друг» На глазах Веры появляются слезы. Андрей смотрит на нее, и коньяк делает свое дело — он тоже почувствовал эту грусть, от простенькой и незамысловатой песенки, которая, в такую минуту, действует сильнее депрессивной тоски... Наступающая темнота скрывает их.

X X X

Утром солнце рано, часов в шесть, заливает их квартиру. Колесо сидит за столом, в трусах, курит, Вера еще спит, или делает вид, что спит. Андрей машинально берет в руки ее личный жетон, который Вера вчера снимала, кажется, в большой спешке. Кроме всех остальных сведений, выбит номер: 777.

— Что, интересно? — подает голос Вера. — Рассматриваешь, можно сказать, самые интимные вещи, пока хозяйка спит...

— Да уж, чем черт не шутит, пока Бог спит... — Мы видим, что Колесо растерян. Он почти в панике. — Верунь, а ты как ко мне относишься?

— Как?! — Вера, конечно, не ожидала от Андрея такого вопроса — не его стиль. Это ставит ее в тупик и она отшучивается. — А ты что-нибудь полегче у похмельного человека не мог бы спросить? А то что-то совсем не по себе становится...

— Да мне тоже... Ну ладно, глупость, конечно, спросил. Тогда по-другому: ты не можешь выполнить одну мою просьбу? Скажу сразу, дело настолько серьезное, что если откажешься, придется нам расстаться...

— Интересный был старик, кой на чем носил парик... Ты же меня сразу в тупик загнал, зачем спрашиваешь? Ладно, говори, не мучь ребенка... — Вера садится в кровати и охает — болит голова.

— Смени этот жетон. Это возможно? — Колесо даже не обратил внимания на пассаж о старике с париком.

— Как это, смени?

— Ну, как такие вещи делают... Ну, напиши заявление, рапорт, ходатайство... Мол, замените мне личный жетон, на другой, с другим порядковым номером...

— Ах, вот в чем дело. Андрюш, этого ведь еще никому не удавалось...

— Да что тут такого... Обменять один кусок железа на другой...

— Жетон поменять можно. Судьбу нельзя.

— Так. — Андрей вмиг посуровел. — Я не пойму: ты выполнишь просьбу или нет?

— Выполню. Хотя представляю себе... На вялотекущую шизофрению точно негласную проверку устоят. Или подумают, что преждевременный климакс...

— Тебе, милая, и простой-то, обычный, только лет через сто, грозит. Ладно, я так понимаю, мы с тобой договорились?

— Договорились.

— Тогда иду готовить завтрак.

— В постель, — закатывая глаза, томно шепчет Вера, театрально откидываясь на подушки, — и рюмочку коньяка не забудь...

Они прощаются, целуются. Колесо говорит: «Я в субботу в Бодайбо улечу. Сашу хоронить. Так что не теряй меня из виду».

Она садится в коридоре на табуретку, достает сигарету, закуривает и, глядя в пол, как-то глухо спрашивает: «Вернешься?»

— Конечно. Конечно вернусь!

— А если...

— А если..., то, значит, если...

— И я сейчас ничего не могу сделать?..

— Можешь. Давай еще поцелуемся и... словом, хватит о грустном.

Они целуются, Вера плачет. Старается сдержаться, но ничего не получается. Она видит, что мучает Андрея, что ничего ее слезы сейчас все равно не решат...

Человек Вера Крылова умный и волевой, поэтому вытирает слезы и говорит: «Ну все. Пошла. Буду тебя ждать...»

Вера уходит. Андрей стоит у окна и смотрит, как она пересекает двор. Он садится, закуривает, вертит в руках дистанционный пульт музыкального центра, и, видимо, нечаянно, нажимает на клавишу. И опять звучит вчерашняя песня Гарика...

X X X

Она доносится из открытой двери бодайбинского ресторана «Голубой Дунай», мимо которого идет сейчас Колесо, со своей неизменной дорожной сумкой через плечо. На крыльце постаревшая Рита замахивается подносом на не менее постаревшего Рашида и кричит: «Шайтан чертов». Колесо останавливается, смотрит на них и, усмехаясь, говорит сам себе: «Давно не бывал я в Донбассе...»

— Что, Андрюха? — спрашивает его неизвестно откуда взявшийся карлик. Еще непонятно кто это: Кузьма или Иван.

— Да песня была когда-то такая...

— А... Да чё там, у нас же здесь испокон веку кильдым, чё, не помнишь, что ли... А у меня, Андрюха, горе большое... Ванька, брательник мой любимый, третьего дня преставился. От водки помер, сгорел Ванька. Один я теперь... Сирота. Да и то, не жилец я без Ваньки, это точно, немного мне осталось...

— Ну, Кузьма... Да я сам Сашку хоронить приехал. Ладно, пойдем, надо принять, иначе душа не выдержит...

Они заходят в знакомый зал, сизый от табачного дыма. Прямо перед ними столик, за которым сидят Тимка Сыров, Серега Климовских и Колич. Андрей и Кузьма здороваются с ними, присаживаются. Подходит Рита, молча ставит водку и большой глиняный горшок с дымящимися пельменями. Они выпивают, потом Колесо лезет в сумку, достает урну с прахом Сашки, наливает полстакана водки,

кладет на него кусок хлеба, ставит все посередине стола.

— Кто? — спрашивает Тимофей.

— Саня Степанов.

— Степа? А мы и не знали...

— Тогда уж и Ваньке налить надо, — как-то просительно говорит Кузьма.

— Так чего смотришь? Бери да наливай...

Кузьма наливает, ставит. Клим говорит: «И Тольке Букрееву. Ацетону дернул, что ли... Все нутро сгорело...»

Они наливают. Ставят.

— И Сереге Ильченко... Утонул в прошлом году...

Через полчаса стол уставлен стаканами с водкой и положенными на них кусками хлеба. Они пьют, чокаются только с урной Степы.

— Когда хоронить-то? — спрашивает Тимка.

— Да хоть завтра. Поможешь?

— Спрашиваешь. Завтра двух гавриков с утра пошлю могилку копать. А где остановился?

— Да где... Борт-то только что пришел...

— Ну да, конечно. Ладно, я тебя потом в артель отвезу, не теряйся только. А завтра, после обеда, и похороним. Ритка, зараза, не видишь, водка кончается...

Они пьют. Потом Колич, профессиональный охотник, горько говорит: «Нет, такое впечатление, что с нами снайпер поработал...»

— Или все тубиком перезаразились, — предлагает свою версию судьбы поколения недавно «откинувшийся» Клим.

— Ну, снайпер не снайпер, — говорит Колесо, — а в своем танковом бою под Прохоровкой мы все же побывали...

— Где? — Не понял Клим.

— Да, это я так... Эх, ребятки, а какой у нас плот был, помните...

— Почему у вас? Нет, конечно, у вас неплохое судно было, — возражает Тимофей,

— но у меня-то покруче будет, с каютой...

— Как это будет? Он у тебя и сейчас есть, что ли?

— Есть, есть. Лучу только с него, с лодки хуже, болтается вся после удара, да и вообще... удобнее...

Они сидят, чокаются со Степой. И сизый табачный дым окутывает их все плотней и плотней...

Х Х Х

Вера Крылова идет по 1. Брестской улице, от Белорусского вокзала к Дому кино.

Где-то в середине безлюдной вечерней улицы ее обгоняет «Мерседес», останавливается чуть впереди, из него выходит довольно плотный высокий грузин лет 30-33. Он ждет, пока она подойдет к нему, берет за руку, говорит с характерным акцентом: «Поехали, девушка. Все в сборе, тебя не хватало...»

— Куда?

— В ресторан, куда же... Сама выбирай, какой хочешь...

— Нет, некогда мне, не поеду, — усмехается Вера. И, такое ощущение, что парень только и ожидал отказа. Впрочем, так оно и есть. Он звереет на глазах и орет: «Как нэт?! Поехали, сука, тебе говорят...» И тащит Веру к открытой двери машины. Она понимает, что дело принимает скверный оборот, говорит ему: «Да ладно, погоди ты.. Дай объяснить-то...»

— Что объяснить?

— Ты такую фамилию знаешь: Иоселиани?

— Ты что, с ума сошла? Как я Иоселиани не знаю?! — Он останавливается. Этого Вера и добивалась для начала.

— Конечно, такого кинорежиссера весь мир знает, — смотрит на него Крылова.

— Грузины ничего плохо не делают, — довольно улыбается парень.

— Ну вот. Я сейчас иду его последний фильм смотреть, вот билет... А ты меня в кабак тащишь... Что мы с тобой, другого времени не найдем, что ли?

— Не обманешь?

— Где ты сегодня найдешь девушку, которая отказалась бы от ресторана, который ей еще и на выбор предлагают?..

— Ладно, — говорит парень, — вот тебе моя визитка, позвони, когда захочешь... Как тебя зовут, скажи...

— Аня.

— Ну, жду, Аня.

— Жди...

Он поворачивается, делает несколько шагов к машине. Вера, не тронувшаяся с места, окликает: «Эй, кацо...» Мужик поворачивается, она с улыбкой подходит и делает какой-то прием, от которого грузин плашмя, всем телом, грохается на тротуар. Он лежит ничком, Вера говорит: «Ну, до встречи, герой...» Она поворачивается, идет. Парень поднимает голову, видит удаляющуюся Веру. Он садится с трудом, достает пистолет из-за пояса, стреляет ей вслед не целясь...
X X X

Всем вчерашним составом: Кузьма, Колич, Клима, Тимофей, садятся в «Уазик» во дворе той старательской базы, начальником которой был Юра Ронженин. Теперь здесь главный, судя по всему, Тимофей. Он кричит рабочим: «Тащите гроб, венки, все в столярке...»

На кладбище, похоронив Степу, садятся вокруг свежей могилы, выпивают.

Непонятно, похмеляются или поминают. Скорее всего, и то, и другое.

— Полкладбища наших, — говорит Тимка, обращаясь к Андрею.

— А Прокопий где?

— Вон там, метров 150 отсюда... — показывает направление Сыров.

— Тимофей, ты вот что... Ты дай мне ключи от плота... Хочу сплавить вечером кое-куда...

Тимофей тяжело смотрит на Андрея. Потом, так ничего и не сказав, достает ключи, отдает.

— Он на лодочной?

— А где же ему быть... Больше ни у кого нет, так что сразу найдешь. Ты сейчас-то куда, а то мне ехать пора, работы, как всегда...

— Поезжай. И ребят заberi. А я еще посижу...

— Ну, лады. Поехали, пацаны...

Они уезжают. Андрей наливает стопку, сидит, смотрит на могилу. Потом встает и идет по направлению к Прокопию Гурьевичу. Камера показывает фотографии на могилах, мимо которых проходит его путь: Насти, Ронженина, Коли Хена...

Уже поздним вечером, почти ночью, он идет по Бодайбо. На плече его сумка. Из парка доносится веселая музыка. Чуть поколебавшись, он заворачивает туда. Там все по-прежнему: танцплощадка за решетчатым забором, качели... Так же, как когда-то, много лет назад, он стоит, наблюдает за танцующей молодежью.

Неуловимо, чем-то, совсем отдаленным, но они похожи на тех, на них... Только вот песни другие: разливается ночным соловьем сладкоголосый Иглесиас-старший. И так же, как когда-то, понаблюдав за танцующими, Андрей уходит. Он идет к лодочной станции, вниз, к Витиму, той самой дорогой, по которой шли только что познакомившиеся Ронжик и Настя...

Это актерская работа — показать, как ему сейчас тяжело... Судя по всему, до конца он до сих пор еще ничего не решил...

Колесо отмыкает плот, заводит маломощный моторчик, отплывает. Он плывет мимо города, по течению.... Наконец, выключает мотор, бросает якорь... Мы узнаем то самое место, где когда-то затонула баржа со спиртом. Он садится, закуривает. Сидит в оцепенении. Потом, решившись, встает... Опять садится на кромке борта. Еще мгновение — он резко встает и ныряет в темную стремительную воду.

Как только Андрей скрылся, в сумке начинает звонить его мобильный телефон. Довольно фантосмагоричная картина: заякоренный плот, ночь, тайга и резкие звонки... Дальше время смято, смыто... Мы уже и не ждем его... И все же он выныривает, по пояс, держа что-то в правой поднятой руке. Гребет к плоту одной рукой, и лунный свет отражается на мокром стекле бутылки спирта, которую он держит...

Когда Колесо уже подплывает к борту, телефон замолкает. Он грузно вылезает на палубу, секунду сидит, потом встает, подходит к рундуку, достает две кружки, выбивает рукой старой работы пробку, наливает четверть, разбавляет забортной водой... В это время телефон опять начинает звонить. Андрей выпивает, выдыхает, смотрит на трубку... Наконец, берет ее, включает. Слышен панический голос дочери: «Алло, это ты?»

— Ну, а кто же?

— Что с тобой? Где ты? Что случилось? Ты живой?

— Сейчас проверим, — говоря это, Колесо плещет чуть-чуть спирта, разбавляет его остатком воды, пьет, выдыхает...

— Да что происходит, в конце концов? Что ты делаешь?

— Что я могу делать? Сажу в ресторане, выпиваю, жду, пока закуску принесут...

— Фу ты, ну, слава Богу... А то я тут сажу на переговорах, и аж сердце

захлестнуло... Вышла вот в вестибюль, звоню, дрожу... Что пьешь?

— Что? — Пауза. — Да вот, нашлась живая вода... На посошок, что ли...

— Так, значит опять какую-нибудь гадость... Я же тебе две бутылки «Абсолюта» с собой положила...

— Понимаешь, дочка... Если б не живая вода, неизвестно еще, что со мной было бы, — Андрей уже заметно опьянел. Тут все: и неудавшаяся попытка самоубийства, и спирт без закуски... Но он держится.

Дочь молчит. Потом говорит: «Понятно теперь, почему я уже второй день места себе не нахожу. Ладно, делай, что хочешь, только знай — Ванька у нас, если что, сиротой останется...»

— Не понял... А ты-то на что...

— Да меня без тебя через неделю не будет, понял... Кондрат хватит... Меня не жалко, внука пожалей...

— Да я что...

— Ты — что... И я — что... Через три дня не появишься, сама прилечу...

— Ну, хватит, дочь...

— Хватит, так хватит. Я тебе все сказала. Да, вот еще что. Ты только не волнуйся, ладно...

— Машка, после таких заботливых предупреждений, уже меня кондрат хватит...

— Ну, в общем, твоя эта знакомая, Вера, что ли...

— «Черный пористый шоколад»...

— Что?

— Не обращай внимания. Ну и что Вера?

— Звонила она мне вчера, из госпиталя. Ранили ее, но легко, в плечо, кость задета, но по касательной...

— Ах ты Господи... А чего же она прямо мне-то не позвонила?

— Да она боится тебя чего-то... Какую-то просьбу твою не выполнила.

— Просьбу не выполнила. Да. Вот и нарвалась на пулю...

— Ну, ты особенно-то не зверствуй. Ей, наверное, и так нелегко.

— Не буду. Да теперь уж и все равно. Раз жива осталась, теперь уж ничего с ней не случится. Скажи ей, чтобы позвонила...

— Скажу...

Колесо, разговаривая, достает портативный диктофон, и, поднеся его к трубке почти вплотную, включает. Звучит всю жизнь им любимый романс «Мой костер».

— Все, Мань, они тут музыку врубили, не поговоришь. Я тебе еще перезвоню...

— Попробуй не перезвонить...

— Что ж я, самоубийца, что ли, — автоматически шутит Андрей. Трагизм ситуации начинает отходить для него на второй план, — ну, целую...

Он выключает телефон. Еще долю секунды слушает романс. Выключает диктофон. Сидит, смотрит в темноту. Наливает еще полкружки. Разбавляет. Выпивает. После спирта прислушивается к себе. Улыбаясь, говорит вслух: «Специалистки». Встает, выдергивает якорь. Ложится, растягивается, закрывает глаза...

Плот, покачиваясь, медленно уплывает в темноту. Постепенно, по мере того, как

сливаются с бегущей водой его очертания, начинают пропадать звуки ночной реки и близкой тайги...

Наконец, плот пропадает совсем. Наступает абсолютная тишина. Звука нет.

Камера так же медленно уходит вверх, на звездное августовское небо, с которого, собственно, и началась эта история. Надо ли говорить, что оно ничуть не изменилось с тех пор...